

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):**

государственный деятель и правовед

Часть первая

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

2017.

№ 8. С. 87-94. № 9. С. 87-94. № 10. С. 87-94. № 11. С. 87-94.

1

В современной российской политической и юридической публицистике имя А.Я. Вышинского ассоциируется, как правило, лишь с громкими судебными процессами 30-х годах прошлого столетия, в которых он выступал главным обвинителем. Его называют «рулевым большого террора», «конструктором “врагов народа”», «карающей десницей вождя», «красным инквизитором» и другими подобными эпитетами. Адвокат и публицист А.И. Ваксберг назвал свою книгу об этом человеке, выпущенную в 1992 году, *«Царица доказательств. Вышинский и его жертвы»*, подчеркивая тем самым преступный характер его деятельности.

Юбилейная заметка, помещенная в газете «Аргументы и факты» в день, когда Вышинскому исполнилось 130 лет, начиналась со слов: «10 декабря 1883 года родился Андрей Вышинский, главный государственный обвинитель на политических процессах сталинской эпохи» и далее утверждалось: «Биография Андрея Януарьевича Вышинского складывалась так, что у него, казалось бы, не было шансов избежать жерновов «Большого террора» 1937–1938 годов. Однако случилось с точностью до наоборот – прокурор Вышинский усердно отправлял в эти жернова героев революции, став одним из главных деятелей эпохи политических репрессий»¹.

Прокурорской деятельности Андрей Януарьевич посвятил почти десять лет своей жизни. В 1923–1925 годах он исполнял функции прокурора судебной коллегии Верховного суда РСФСР по уголовным делам. С 11 мая 1931 года до 1 июля 1933 года являлся прокурором РСФСР. После этого год и восемь месяцев занимал должность заместителя Прокурора СССР. А с 3 марта 1935 года и до 31 мая 1939 года, то есть четыре года два месяца двадцать восемь дней, А.Я. Вышинский был Прокурором СССР². Его деятельность на этом посту и особенно роль обвинителя в судебных процессах 1936–1938

---

¹ Аргументы и факты. 2013. 10 декабря.

² Многие авторы, пишущие о Вышинском называют его «Генеральным» прокурором СССР. Однако это наименование высшей прокурорской должности появилось только после войны – на основании принятого Верховным Советом СССР 19 марта 1946 г. Закона о присвоении Прокурору СССР наименования Генерального Прокурора СССР.

годов, в которых подсудимыми оказались, бывшие руководители Советского государства, имела ярко выраженный публичный характер и неудивительно, что она заслонила собой все другие эпизоды в его политической биографии.

Между тем государственная деятельность А.Я. Вышинского не ограничивалась исполнением прокурорских полномочий. Более пяти лет он служил на должности заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР, четыре года возглавлял Министерство иностранных дел СССР, более года являлся постоянным представителем СССР в ООН, шесть лет работал в системе управления народным образованием, занимая должности ректора 1-го Московского государственного университета, начальника Главного управления профессионального образования в Народном комиссариате Просвещения, члена коллегии Наркомпроса и др.

При этом Андрей Януарьевич был не только государственным деятелем, но и ученым правоведом. Биографическая статья о Вышинском, опубликованная в 1951 году в девятом томе Большой Советской энциклопедии, представляла его как «государственного деятеля» и «крупного ученого в области права»³.

Изданный Всесоюзной книжной палатой в 1941 году список публикаций А.Я. Вышинского насчитывал 256 наименований статей, книг, докладов, посвященных в основном различным вопросам права, законности и правосудия⁴. Первой в этом списке называлась брошюра «Вопросы распределения и революция», опубликованная в 1922 году. В 1925 году Вышинский выпустил в свет брошюру «Суд и карательная политика советской власти», в 1927-м – учебник «Курс уголовного процесса», в 1932-м – работу «Революционная законность на современном этапе. К XV годовщине Октябрьской революции»⁵, в 1934 году вышла брошюра «Революционная законность и задачи советской защиты», содержание которой составил текст доклада А.Я.

---

³ Большая советская энциклопедия. Том 9. Второе издание. М., 1951. С. 540.

⁴ Материалы к библиографии трудов ученых СССР. Серия права. Вып. 1. Андрей Януарьевич Вышинский / Составила В.Е. Кузяткина. М., 1941.

⁵ В 1933 г. эта брошюра вышла вторым изданием.

Вышинского на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 года.

В 1933–1934 годах была опубликована целая серия написанных Вышинским учебных пособий и брошюр о судостроительстве СССР. В 1936 году они были переизданы в виде четырехтомного учебника под названием «Судостроительство в СССР», предназначенного для правовых школ и юридических курсов.

В 1938 году был напечатан программный для советской юридической науки доклад А.Я. Вышинского на первом совещании по вопросам науки советского государства и права «Основные задачи науки советского социалистического права»⁶. Подобный характер имел и его доклад на заседании отделения общественных наук Академии наук СССР под названием «Вопросы права и государства у К. Маркса», опубликованный в том же году журнале «Советское государство» (№ 3. С. 13–49) и напечатанный в виде отдельной брошюры⁷.

С еще одним программным для советской юридической науки докладом — на этот раз под названием: «Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина» — А.Я. Вышинский выступил на общем собрании Отделения экономики и права Академии наук СССР 20 декабря 1939 года. Начав свою речь с утверждения о том, что «государству и праву принадлежит в истории человеческого общества и человеческой культуры гигантская роль»⁸, Андрей Януарьевич в

---

⁶ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права, 16 - 19 июля 1938 г. М., 1938. С. 7–75. См. современную публикацию полного текста этого доклада и выступлений при его обсуждении в издании: Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 194–284. № 2. С. 131–278.

⁷ Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. Доклад на заседании отделения общественных наук 27 апреля 1938 г. / Отв. ред.: Энгель Н.А. М., 1938.

⁸ Вышинский А.Я. Вопросы государства и права в трудах товарища Сталина // Советское государство и право. 1939. № 6. С. 1. Спустя десять лет текст этого доклада был переиздан, что свидетельствует о значимости, которую придавал ему автор. См.: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 206–240.

дальнейшем ее изложении представил основные идеи и принципы официальной политико-правовой доктрины Советского государства.

В 1941 году был издан самый главный научный труд А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве», сохраняющий свою научную ценность до сих пор. Помимо книг и брошюр А.Я. Вышинский выпустил в 20–30-е годы множество статей в периодических изданиях, главным образом – в журналах «Революция права», «Еженедельник советской юстиции» (с 1930 – «Советская юстиция») и «Социалистическая законность».

Книги и статьи А.Я. Вышинский продолжал публиковать и в послевоенный период – вплоть до своей кончины. В 1946 году вышло второе издание его исследования «Теория судебных доказательств в советском праве», за которое в 1947 году ему была присуждена Сталинская премия первой степени. В 1950 году было напечатано третье, дополненное издание этой книги, ставшей классикой советской научной юриспруденции.

В 1949 году А.Я. Вышинский опубликовал книгу «Вопросы теории государства и права», содержание которой составили доклады по общим юридическим проблемам, прочитанные им с 1938 по 1948 год.

В 1949–1952 годах вышли в свет четыре сборника его речей на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и на международных конференциях под названием «Вопросы международного права и международной политики».

Даже этот краткий перечень научных трудов А.Я. Вышинского показывает, что он был не только государственным деятелем, но и ученым правоведом, активным проводником государственной и правовой идеологии Советского государства. В 1935 году его удостоили за научные труды в области юриспруденции ученой степени доктора государственных и общественных наук, а в 1936 году ему присвоили степень доктора юридических наук. В 1939 году А.Я. Вышинский был избран действительным членом Академии наук СССР по Отделению общественных наук, не будучи членом-корреспондентом. В 1937–1941 годах Андрей Януарьевич занимал должность директора Института права Академии наук СССР.

Как ученый правовед, представитель советской юридической школы, А.Я. Вышинский был известен не только в Советском Союзе,

но и за его пределами. Видный американский правовед Эдгар Боденхаймер (1908–1991) называл его «главным представителем нового подхода к юриспруденции» в СССР, опирающегося на доктрину “социалистической законности”⁹. Ведущую роль в разработке доктринальных основ советской юридической науки отводил Вышинскому и авторитетный американский правовед Лон Льюис Фуллер (1902–1978)¹⁰. Профессор Колумбийского университета правовед-советолог Джон Хазард (1909–1995) счел необходимым отметить в предисловии к вышедшему в 1948 году переводу на английский язык изданного десятью годами ранее учебника «Советское государственное право», написанного при участии и под редакцией Андрея Януарьевича: «*Вышинский обладает также очевидными качествами ученого правоведа, выступая с лекциями в Московском юридическом институте и на совещаниях советских юристов в Москве и в других местах. Когда школа юристов, возглавляемая Е.Б. Пашуканисом, была в 1937 году ликвидирована из-за поддержки программы постепенного “отмирания” государства, Вышинский выступил как главный организатор новой юриспруденции*»¹¹ (курсив мой. — В.Т.).

Приведенные факты заставляют думать, что доминирующий в литературе о Вышинском образ «сталинского прокурора» является слишком односторонним и потому искаженным. Он был создан на основе сведений лишь об одном из эпизодов его биографии и причем весьма поверхностных. Чтобы понять, кем в действительности являлся Вышинский, какую роль он играл в жизни Советского государства, особенно в 30-е годы XX века, какое место он занимал в советской

---

⁹ *Bodenheimer E. Some Recent Trends in European Legal Thought. West and East // The Western Political Quarterly. 1949. Vol. 2. No. 1. P. 53.*

¹⁰ См.: *Fuller L.L. Pashukanis and Vyshinsky: A Study in the Development of Marxian Legal Theory // Michigan Law Review. 1949. Vol. 47. No. 8. P. 1157–1166.*

¹¹ «*Vyshinsky has also evidenced qualities as a legal scholar by lecturing at the Moscow Juridical Institute and at meetings of Soviet jurists in Moscow and elsewhere. When the school of jurists, headed by E. B. Pashukanis, was ousted in 1937 because of its support of a program of progressive "withering away" of the state, Vyshinsky came forward as the principal organizer of the new jurisprudence*» (*Hazard J.N. Introduction // The Law of the Soviet State / General Editor Andrei Y. Vyshinsky. New York, 1948. P. IX–X).*

юридической науке, необходимо принять во внимание все известные факты его биографии.

Фигура Андрея Януарьевича Вышинского представляет собой ключ для расшифровки многих тайн политической жизни Советского государства первых десятилетий его существования и прежде всего чрезвычайно загадочного явления, называемого «сталинскими репрессиями».

Использование в качестве важнейшего орудия данных эксцессов такого человека, как Андрей Януарьевич Вышинский, заставляет усомниться в правильности доминирующего в исторической публицистике объяснения их исключительно мотивами политической борьбы между различными группировками советской бюрократии, стремлением сталинской группировки подавить своих противников. Междоусобная борьба в правящем слое Советского государства никогда не прекращалась и со второй половины 20-х годов действительно стала обостряться. Сталин и его сторонники в большевистской партии действительно стремились любыми средствами победить своих соперников.

Но был еще один, более глубинный, намного более значимый мотив для развертывания в СССР в середине 30-х годов маховика политических репрессий. На этот мотив как раз и указывает персона Вышинского.

* * *

Публичные биографии советских государственных деятелей имеют одну отличительную черту: в них много умолчаний и разного рода неточностей или сознательных искажений. Особенно это касается раннего периода жизни, их происхождения, родителей, предков, первоначального образования. Правящий слой Российской империи был спаян родственными связями и традициями. Это сдерживало политическую борьбу между различными группировками внутри него, ограничивало ее определенными рамками. Правящий слой Советского государства был сформирован в условиях гражданской войны и являлся весьма разнородным по своему составу. Воинственные настроения доминировали в нем и придавали политической борьбе между его группировками чрезвычайно ожесточенный характер. При отсутствии традиций и

других факторов, способных поддерживать сплоченность правящего слоя, смягчать конфликты внутри него, борьба между его группировками, особенно в эпоху становления Советского государства неизбежно выливалась в войну на уничтожение противника. Для достижения этой цели использовались все средства, в том числе и факты биографий. Вот почему советские государственные деятели неохотно предавали огласки те события своей жизни, которые могли быть использованы в той или мере против них. Чаще всего они просто умалчивали о таких событиях. И закономерно, что больше всего умолчаний падало на тот период жизни, когда они еще не занимали должностей в Советском государстве и даже не предполагали, что достигнут когда-либо высоких государственных постов.

С этой точки зрения вполне понятно, почему сохранилось так мало сведений о раннем периоде жизни А.Я. Вышинского. Известно, что он родился в Одессе, в 1883 году, 28 ноября (по Юлианскому календарю, действовавшему тогда в России) или 10 декабря (по Григорианскому календарю). Его отец — Януарий Феликсович Вышинский — был фармацевтом, имевшим ученую степень провизора, а значит и право управлять аптекой. По вероисповеданию он принадлежал к католической вере.

Мать Андрея Вышинского была по профессии пианисткой. Ее имя и фамилия не называются в его биографиях, но по некоторым данным звалась она Феодосией Савельевной и от рождения имела фамилию Шапкина.

В литературе об А.Я. Вышинском часто утверждается, что его отец был выходцем из старинного шляхетского рода. На каких материалах основано это утверждение, не сообщается. Фамилия Вышинский являлась довольно распространенной в XIX столетии фамилией и в Польше, и на Украине. Среди ее носителей было множество людей, не имевших в действительности шляхетского происхождения. Надо учесть также, что процент лиц дворянского звания среди населения Польши раз в десять превосходил процент дворян в населении Российской империи.

В биографии Сталина, написанной венгерскими учеными Ласло Белади и Тамашом Краусом, довольно уверенно утверждается, что

А.Я. Вышинский «родственник кардинала Стефана Вышинского, главы католической церкви Польши»¹². Но опять-таки никаких доказательств этого родства авторы данной книги не приводят.

Известно также, что в 1888 году семья Вышинских переехала из Одессы в Баку, где отец Андрея Януарий Фелисович был назначен управляющим Бакинским отделением Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами. Впоследствии он открыл свою аптеку, которая располагалась на нынешней улице Губанова.

По всей видимости, в семье Вышинских бывали серьезные разлады между супругами. Однажды жена Януария Феликовича даже покинула его и три года жила вместе с детьми в Харькове. Там она давала уроки музыки, содержала домашнюю столовую, где питались за умеренную плату малоимущие студенты и чиновники.

В биографиях А.Я. Вышинского указывается, что до поступления в университет он учился в 1-ой мужской классической гимназии города Баку. На самом деле вплоть до 1 сентября 1896 года в этом городе не было ни одной классической гимназии, а имелось лишь реальное училище. Гимназическое же образование, да и то лишь начальное, можно было получить в Баку до этого времени только в частной четырехклассной прогимназии, созданной преподавателем реального училища Автономом Ивановичем Победоносцевым.

Это было общеобразовательное учреждение с учебной программой младших классов гимназии. Его торжественное открытие и освящение состоялось 14 сентября 1891 года в здании, которое располагалось на Воронцовской улице (ныне — улица генерала Азизбекова)¹³.

Из отчета о состоянии частной прогимназии А.И. Победоносцева видно, что в начале 1891/1892 учебного года в ней обучалось в первом

---

¹² Беладн Л., Краус Т. Сталин. М., 1990. С. 249. Стефан Вышинский (*Stefan Wyszyński*; 1901–1981) был возведен в сан кардинала Папой Пием XII 12 января 1953 г.

¹³ За три с лишним месяца до этого события в номере местной газеты «Каспий», вышедшем 28 мая 1891 г., появилась следующая заметка: «Содержатель имеющего открыться с сентября 1891 года частного училища с курсом классической прогимназии просит родителей, желающих дать детям классическое образование, поспешить письменными заявлениями о том. При училище может быть открыт и пансион». И далее назывался почтовый адрес, по которому можно было обратиться за более подробными сведениями.

классе и в подготовительных классах младшего и старшего отделения 110 учащихся, до конца года прибавилось еще 11 учеников. Занятия вели 14 преподавателей. Обучение было платным и оно составляло от 80 до 100 рублей в год.

Учебно-воспитательный процесс в прогимназии контролировался и общественностью, и попечителем Кавказского учебного округа. Проверки работы этого учебного заведения неизменно показывали, что обучение в нем полностью соответствовало требованиям и учебным планам, предусмотренным Уставом гимназий и прогимназий, который был утвержден императором Александром II 30 июля 1871 года.

Первый параграф указанного документа гласил: «Гимназии имеют целию доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование, и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища»¹⁴.

Срок обучения в гимназии должен был составлять восемь лет (по году в первых шести классах и два года — в последнем, седьмом классе). Учащимся надлежало преподавать такие учебные курсы, как: 1) Закон божий; 2) русский язык с церковно-славянским и словесность; 3) краткие основания логики; 4) латинский язык; 5) древнегреческий язык; 6) математика; 7) математическая география; 8) физика с кратким естествоведением; 9) история; 10) география; 11) немецкий язык; 12) французский язык; 13) чистописание¹⁵. Усвоение этих дисциплин давало классическое гуманитарное образование.

Андрей Вышинский поступил на учебу в частную прогимназию А.И. Победоносцева, по всей видимости, в сентябре 1892 года. Он учился в третьем классе, когда это учебное заведение претерпело коренную реформу. 3 января 1895 года на заседании Бакинской городской думы было принято постановление о его преобразовании в шестиклассную классическую гимназию с финансированием из городской казны. Одновременно депутаты решили обратиться наверх

---

¹⁴ Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 30 июля 1871 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 46. Отд. 2. № 49860. С. 86.

¹⁵ См.: Там же. С. 87.

с просьбой о разрешении именовать ее «Гимназией в Бозе почившего Императора Александра III».

Новая гимназия была открыта 1 сентября 1896 года и именно в ней завершил свое гимназическое образование будущий прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский.

К началу 1897/1898 учебного года в гимназии было уже 626 учащихся. В штате состояло 22 преподавателя и среди них учитель географии и физики Автоном Иванович Победоносцев, занимавший одновременно должность директора.

Когда в 1900 году Андрей Вышинский был выпущен из гимназии, перед ним встал вопрос, какую профессию выбрать. По некоторым свидетельствам этот выбор был им сделан не без колебаний. Как бы то ни было, сентябрь следующего года юноша встретил, будучи студентом юридического факультета Университета Святого Владимира в Киеве.

В то время по российским университетам катилась волна студенческих бунтов. Она оказалась настолько мощной, что правительство решилось на применение к студентам-бунтовщикам радикальных мер. 29 июля 1900 года были высочайше утверждены предложенные С.Ю. Витте «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков»¹⁶. Особым буйством отличались студенты университета Св. Владимира. Потеряв надежду успокоить бунтовщиков уговорами, министр народного просвещения Н.П. Боголепов распорядился в начале 1901 года исключить из Киевского университета за уклонение от занятий, участие в забастовках и провоцирование беспорядков 183 студента, применив к ним указанные «Временные правила».

Это решение оказалось роковым не только для студентов, но и для министра. 14 февраля 1901 года бывший студент Московского и Юрьевского университетов Петр Карпович, желая отомстить Боголепову за исключение студентов-бунтарей из Киевского

---

¹⁶ См.: Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков. 29 июля 1899 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 19. № 17484. С. 935.

университета, выстрелил в него. Николай Павлович не сумел оправиться от ранения и 2 марта скончался¹⁷.

В столь бурной обстановке Андрей Вышинский начал свою университетскую учебу. Он сразу же оказался втянутым в студенческие антиправительственные волнения. За участие в них в марте 1902 года его исключили из университета без права повторного поступления. Вероятно, именно это событие дало ему основание писать впоследствии в своих автобиографиях о своем участии в революционном движении с 1902 года.

* * *

Покинув Киев, молодой Вышинский возвратился в Баку. Здесь в 1903 году он вступил в местную организацию РСДРП, примкнув к меньшевикам. И в том же году женился. Его избранницей стала Капитолина Исидоровна Михайлова, красивая и спокойная характером женщина. Андрей Януарьевич познакомился с ней еще до окончания гимназии, на одном из гимназических балов. Брак этот окажется для него счастливым и на всю жизнь. Капитолина Исидоровна Вышинская была на год моложе своего мужа, а пережила его почти на девятнадцать лет.

В биографиях А.Я. Вышинского годы с 1903 по 1905-й представляются временем активной революционной деятельности его в качестве пропагандиста революционных, марксистских идей среди бакинских рабочих и сообщается, что в 1905 году он стал организатором боевой социал-демократической дружины. Такой человек не мог избежать арестов. И аресты действительно последовали. 21 января 1906 года Вышинский был арестован по делу о бакинской железнодорожной стачке, проходившей в декабре 1905 года. Документы об этом аресте сохранились, но интересно, что не сохранилось никаких документальных свидетельств о том, когда молодой революционер был выпущен из-под ареста.

Спустя два года последовал новый арест и, что любопытно, по тому же самому делу о железнодорожной стачке. На этот раз арест

---

¹⁷ См. об этом случае: *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 2. М.: Зерцало-М, 2015. С. 155–158.

вылился в судебный приговор, который был объявлен в феврале 1908 года. За публичное произнесение антиправительственной речи Андрей Вышинский был осужден к одному году заключения в исправительном доме.

Это наказание ему пришлось отбывать в Баиловской тюрьме, причем в довольно тяжелых условиях, вызванных в значительной мере тем, что камеры вследствие резкого увеличения осужденных оказались слишком «перенаселенными». 25 марта 1908 года в эту тюрьму был определен «Иосиф Виссарионов Джугашвили», задержанный чинами бакинской сыскной полиции как сбежавший из ссылки в Восточную Сибирь и объявленный циркуляром Департамента полиции в розыск¹⁸. Будущий вождь Советского государства провел в Баиловской тюрьме более восьми месяцев и якобы в одной с ним камере какое-то время пребывал будущий прокурор СССР А.Я. Вышинский.

Один из сидевших тогда со Сталиным член партии социалистов-революционеров Семен Иванович Верещак¹⁹ в 1928 году, будучи в эмиграции, опубликовал в парижской газете «Дни» воспоминания об этом эпизоде своей жизни. Они назывались соответственно «Сталин в тюрьме»²⁰. По ним можно представить, каким увидел Сталина (Кобу) Вышинский (если он действительно сидел с ним в одной камере) и как Сталин (Коба) относился в то время к меньшевикам, к которым примыкал Вышинский.

«Я был еще совсем молодым, когда в 1908 году бакинское жандармское управление посадило меня в бакинскую Баиловскую тюрьму, — вспоминал С.И. Верещак. — Тюрьма, рассчитанная на 400 человек, содержала тогда более 1500 заключенных. Однажды в камере большевиков появился новичок. И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: “Это — Коба”. Живя в общих камерах,

---

¹⁸ См.: Донесение начальника Бакинского губернского жандармского управления генерал-майора Козинцева 4 августа 1908 г. // *Капченко Н.И.* Политическая биография Сталина. Том 1. 1879–1924. М., 2004. С. 248.

¹⁹ Семен Иванович Верещак (? — 1931) являлся видным деятелем российского революционного движения. На Первом съезде Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в июне 1917 г., он был избран в состав ВЦИК от фракции социалистов-революционеров.

²⁰ См.: *Дни.* Париж, 1928. 22 и 24 мая.

поневоле сживаешься с людьми и нравами. Тюремная обстановка накладывает свой отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих примеры со старших. Бакинская же тюрьма имела огромное влияние на новичков. Редкий молодой рабочий, выйдя из этой тюрьмы, не делался профессионалом-революционером. Это была пропагандистская и боевая революционная школа. Среди руководителей собраний и кружков выделялся как марксист и Коба. В синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой. В личных спорах Коба участия не принимал и всегда вызывал каждого на «организованную дискуссию». Эти «организованные дискуссии» носили перманентный характер. Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая выбила бы его из раз занятого положения. На молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Отсюда его совершенно особая ненависть к меньшевикам. По его мнению, всякий, называющий себя марксистом, но толкующий Маркса не по большевистски – прохвост».

9 ноября 1908 года Иосифа Джугашвили этапировали в новую ссылку, в город Сольвычегодск, находившийся в Вологодской губернии. А Вышинский в апреле 1909 года был выпущен на свободу. В его жизни начался новый период. Он как будто совсем отказался от революционной деятельности.

Скорей всего так и было. И способствовали этой перемене в настроениях Вышинского два очень важных для него события: рождение в 1909 году дочери Зинаиды и восстановление в числе студентов юридического факультета Университета Святого Владимира.

Андрей Януарьевич снова оказался в Киеве. На этот раз он занялся наукой, причем настолько серьезно, что по завершении им в 1913 году университетского курса обучения руководством факультета рассматривался вопрос об оставлении его в магистратуре Киевского университета для подготовки к профессорскому званию по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства. В конце концов по каким-то причинам ему было отказано в принятии в магистратуру,

хотя возможно, обремененный семьей, он сам отказался пойти по научному поприщу. Впоследствии в его биографии, опубликованной во втором издании «Большой советской энциклопедии», отмечалось, что «в 1913, по окончании юридического факультета Киевского ун-та, В[ышинский] был оставлен для подготовки к профессорскому званию, но по политическим основаниям был отведен царскими властями»²¹.

Молодой правовец вынужден был возвратиться в Баку и искать себе хоть какую-нибудь работу, чтобы обеспечить семью. Не сумев устроиться на юридическую работу, он занялся репетиторством, подготовкой за небольшую плату нерадивых учеников из богатых семей к экзаменам. Это позволило Андрею Вышинскому приобрести славу способного учителя и получить приглашение преподавать в частной гимназии, открытой в Баку Ананием Павловичем Емельяновым, русскую литературу, географию и латынь.

В 1915 году А.Я. Вышинский отправился в Москву, надеясь получить там юридическую практику. Некоторое время ему и в Москве пришлось давать частные уроки, пока его не рекомендовали в помощники к известному в то время московскому адвокату, специализировавшемуся на защите по политическим делам, Павлу Николаевичу Малянтовичу (1869–1940)²². Изданный в 1917 году «Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников» по состоянию на 15 ноября 1916 года показывает, что у присяжного поверенного П.Н. Малянтовича было в то время восемь помощников. Последним в их перечне был назван «Вышинский Андрей Янцарьевич». После этих слов в скобках была обозначена дата 8 июля 1915 года, явно указывающая на время

---

²¹ Большая советская энциклопедия. Том 9. Второе издание. М., 1951. С. 540.

²² Занимаясь защитой обвиняемых по политическим делам, Малянтович не ограничивался юридической практикой, но стремился дать теоретическое осмысление юридическим понятиям, используемым в законах о политических и общественных преступлениях. В 1910 году он издал в соавторстве с видным тогдашним адвокатом и общественным деятелем Николаем Константиновичем Муравьевым сборник таких законов с обширными интерпретационно-догматическими комментариями к их содержанию, преследуя задачу «облегчить юристу-практику (судье, прокурору, адвокату) истолкование закона для его применения» (Малянтович П.Н., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. III).

принятия его на эту должность, а также домашний адрес: «Б. Якиманка, д. 22, кв. 163»²³.

Никаких достоверных сведений о том, как проявил себя Андрей Вышинский на адвокатском поприще не сохранилось. Скорей всего он постарался уничтожить документальные свидетельства своего сотрудничества с П.Н. Малянтовичем. Павел Николаевич был авторитетным адвокатом среди революционеров различных течений. Большевики также неоднократно пользовались его услугами. Но в 1917 году он совершил два крайне опрометчивых поступка, примкнув к меньшевистской фракции социал-демократов и согласившись на предложение А.Ф. Керенского занять пост министра юстиции. На этом посту П.Н. Малянтович пробыл ровно месяц, но данного срока оказалось достаточно для того, чтобы навсегда испортить свою репутацию среди большевиков. Тем более, что Павел Николаевич по какой-то странной беспечности совсем не скрывал факта своей службы во Временном правительстве, с которым большевики, едва ли не с самого его образования, вели ожесточенную борьбу.

Его помощник по адвокатской работе Андрей Вышинский был с этой точки зрения более предусмотрительным, и постарался очистить свою официальную биографию от всех фактов, которые таили для него хоть какую-то опасность.

2

Февральско-мартовскую революцию 1917 года А.Я. Вышинский встретил с восторгом, хотя никаких особых выгод она ему сначала не принесла. Адвокатская деятельность в условиях, когда государственные органы, призванные поддерживать правопорядок, стремительно разрушались, утратила свой смысл. Но оставив это поприще, молодой правовед смог найти себе место лишь в редакции бюллетеня Объединенного комитета Земского и Городского союзов, созданного в июле 1915 года для распределения государственных оборонных заказов. Первую сколько-нибудь значимую государственную должность он занял позднее, после первых попыток

---

²³ Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 г. М., 1917. С. 121.

новых властителей преобразовать местное управление и систему охраны правопорядка.

5 марта 1917 года председатель Временного правительства и министр внутренних дел князь Г.Е. Львов разослал на места циркулярную телеграмму председателям губернских земских управ, в которой сообщалось: «Придавая самое серьезное значение в целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей»²⁴. Управление губерниями временно возлагалось данной телеграммой на председателей губернских земских управ, получавших статус комиссаров Временного правительства со «всеми правами, предоставляемыми действующими узаконениями губернатору», с сохранением «руководительства работою губернской земской управы»²⁵. Председателям уездных земских управ придавался соответственно статус «уездных комиссаров Временного правительства с сохранением за ними руководства работою уездных земских управ»²⁶.

В заключительной части телеграммы объявлялось, что «полиция подлежит переформированию в милицию, к чему необходимо приступить местным самоуправлениям».

Постановлением Временного правительства, изданным 10 марта 1917 года, упразднялся Департамент полиции. Вместо него в составе Министерства внутренних дел учреждалось «временное управление по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан»²⁷.

Данные предписания открыли для Вышинского возможность сделать карьеру в органах управления. При создании милиции в

---

²⁴ Циркулярная телеграмма Временного правительства председателям губернских земских управ // Вестник Временного правительства. 1917. № 2. 7 (20) марта. С. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Составлен отделением Свода законов Государственной канцелярии. Пг., 1917. С. 27.

городе Москве он был назначен комиссаром 1-го участка милиции Якиманского района Москвы.

15 апреля 1917 года Временное правительство приняло «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум»²⁸ и «Временные правила об участковых городских управлениях»²⁹. Согласно этим актам к выборам гласных в городские и участковые думы допускались «российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе или же имеют иные, связанные с городом, определенные занятия»³⁰. При этом предусматривалось, что «выборы эти производятся закрытою подачею голосов, посредством подачи избирательных записок», и что избиратель имел право подать голос «только за один из списков заявленных кандидатов в гласные»³¹. Это означало, что выдвижение кандидатов в гласные должно было производиться от партий. В Москве выборы гласных в районные и городскую думы прошли в июне. Андрей Вышинский принял в них участие и был избран гласным Калужской районной думы от фракции меньшевиков РСДРП.

На основании «Временных правил об участковых городских управлениях» в городах с населением свыше 150 тысяч жителей создавались участковые городские управления, состоявшие из участковой думы и участковой управы. Такие городские управления были созданы и в Москве. А.Я. Вышинский был избран на пост председателя Якиманской районной управы. Неудивительно поэтому, что Андрей Януарьевич высоко оценивал осуществленное Временным правительством преобразование местного управления. В вышедшей летом 1917 года брошюре «Какие нам нужны городские думы?» он утверждал, что эта реформа «превзошла самые смелые ожидания».

---

²⁸ Там же. С. 163–170.

²⁹ Там же. С. 170–172.

³⁰ Там же. С. 164.

³¹ Там же. С. 167.

Должность председателя районной управы была не слишком влиятельной, поэтому Вышинский, действуя в указанной роли, ничем примечательным себя не проявил. И можно было бы не останавливаться на этом эпизоде его биографии, если бы не распространенное в литературе утверждение о том, что, возглавляя Якиманскую управу, он прилагал усилия к исполнению приказа об аресте Ленина.

25 сентября 1917 года новым министром юстиции и генерал-прокурором во Временном правительстве стал московский адвокат П.Н. Малянтович. Это было время, когда большевики, получив доминирование в Московском и Петроградском советах рабочих и солдатских депутатов, открыто готовились к захвату власти, причем их вождь В.И. Ленин не скрывал, что единственным реальным средством добиться этой цели, является вооруженное восстание. Стремясь воспрепятствовать такому ходу событий, министр-председатель Всероссийского Временного правительства А.Ф. Керенский предложил на одном из его заседаний арестовать Ленина, настойчиво склонявшего большевиков к захвату власти путем вооруженного восстания³², и, заручившись поддержкой министров, поручил П.Н. Малянтовичу подготовить необходимые для этого документы.

В качестве основания для ареста Ленина была использована попытка вооруженного свержения Временного правительства, предпринятая большевиками в начале июля 1917 года. Сразу после этого чрезвычайного события было проведено следствие и 21 июля 1917 года следователь по особо важным делам при Временном правительстве П.А. Александров и прокурор Петроградской Судебной палаты Н.С. Каринский подписали постановление о привлечении к суду по «**обвинению в государственной измене В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева, А.М. Коллонтай, А.Л. Гельфанда-Парвуса**

---

³² По воспоминаниям меньшевистского лидера Федора Ильича Дана (Гурвича), А.Ф. Керенский в своей речи на заседании Совета Республики, которое состоялось утром 24 октября, «с особенным пафосом несколько раз повторял, что правительством уже отдан приказ об аресте “государственного преступника Ульянова-Ленина”» Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Т. 3. Октябрьская революция. Мемуары / Составил С.А. Алексеев. М.-Л., 1926. С. 125.

и других большевиков». Все они обвинялись в том, что, «состоя в русском подданстве, по предварительному между собою и другими лицами уговору в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение — содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовывали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период с 3 по 5 июля 1917 г. организовали в г. Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств, насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каких действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем и способствовали успеху неприятельской армии...»³³.

По воспоминаниям П.А. Половцова, занимавшего в то время пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, Керенский намеревался ответить на эту попытку восстания арестами более двадцати с лишним большевиков во главе с Лениным и Троцким, но спустя некоторое после того, как отдал распоряжение об аресте, отменил его³⁴.

Исполняя новое поручение Керенского об аресте вождя большевиков, министр юстиции и генерал-прокурор П.Н. Малянтович разослал местным органам власти следующую телеграмму: *«Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин В.И. подлежит аресту в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего, пятого июля в Петрограде, ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления, в случае появления названного лица в пределах вверенного*

---

³³ Цит. по: Анисимов Н.Л. Обвиняется Ульянов-Ленин... // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 5.

³⁴ См.: Половцов П.А. Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 году. М., 1999. С. 151–152.

Вам округа. О последующем донести. Министр юстиции П. Н. Малянтович».

В числе получивших телеграмму с распоряжением об аресте Ленина, вероятно, был и председатель Якиманской районной управы. В биографиях Вышинского, как правило, довольно категорично утверждается, что он незамедлительно принял меры для выполнения этого поручения. Так, по словам публициста Аркадия Ваксберга, Андрей Януарьевич «распорядился о “немедленном исполнении”»: соответствующие афиши с портретом “названного лица” были расклеены на стенах домов вверенного ему округа»³⁵. Однако никаких документальных свидетельств в подтверждение этого важного факта в биографиях Вышинского почему-то не приводится. Между тем поступок этот в тогдашней обстановке кажется настолько странным, что даже если бы имелись подтверждающие документы, то и в таком случае возникало бы сомнение в том, что Вышинский совершил его.

Ведь было очевидно, что Ленин не мог в то время находиться в Москве: он должен был скрываться или в Петрограде, или недалеко от него, поскольку именно в северной столице шла подготовка большевистского вооруженного восстания. И официальные власти это хорошо знали. Петроградские газеты 19 октября 1917 года сообщали: «Министр юстиции Малянтович, по приказу верховного главнокомандующего, предписал прокурору судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина, скрывающегося, по сведениям Временного правительства, в Петрограде. Прокурор

---

³⁵ *Ваксберг А.И.* Страницы одной жизни: штрихи к политическому портрету Вышинского // Знамя. 1990. № 5. С. 159. Современный публицист Н.В. Стариков, автор многочисленных публицистических опусов по самым различным историческим темам, представил произошедшее в еще более фантастическом виде. По его словам, «осторожный меньшевик Малянтович автографа своего для истории не оставил, подписав лишь телеграмму. Вместо него приказ об аресте Ленина завизировал его заместитель Андрей Януарьевич Вышинский. Тот самый, кто при Сталине станет главным государственным обвинителем» (*Стариков Н.В.* 1917. Разгадка «русской» революции. СПб., 2012. С. 271). В действительности П.Н. Малянтович, если и подписывал телеграмму, то не как меньшевик, а в качестве министра юстиции и генерал-прокурора. Что же касается роли А.Я. Вышинского в этой истории, если только она не придумана, то следует заметить, что Андрей Януарьевич никогда не занимал поста заместителя министра юстиции во Временном правительстве. Очевидно, что большинство исторических мифов является всего лишь результатом скверного знания истории.

обратился к главнокомандующему Петроградским военным округом, комиссару Временного правительства по управлению Петроградским градоначальством и начальнику общей и уголовной милицией с просьбой приказать подведомственным им чинам оказать содействие в производстве ареста и доставлении Ленина судебному следователю по особо важным делам Александрову»³⁶.

Распоряжение об аресте Ленина действительно было послано на места³⁷, но исполнить его было просто некому. С.П. Мельгунов, описывая ситуацию, сложившуюся в России к октябрю 1917 года, отмечал: «При отсутствии налаженного полицейско-административного аппарата все эти предупредительные меры вообще не имели большого значения, так как многие из решений правительства не могли быть осуществлены в жизни»³⁸.

Сохранилось немало свидетельств о том, что министр юстиции всего лишь выполнял приказ председателя Временного правительства Керенского, но сам или не хотел арестовывать Ленина, или не верил в то, что это возможно. По некоторым сведениям он даже предупредил вождя большевиков через одного из его соратников о готовящемся аресте, поскольку сомневался в наличии достаточных юридических оснований для осуществления такой меры³⁹. Вспоминая впоследствии

---

³⁶ Цит. по: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть? Париж, 1939. С. 54.

³⁷ 22 октября 1917 г. указанная телеграмма министра юстиции Малянтовича поступила и. д. прокурора Тифлисской судебной палаты Лебединскому. Тот на следующий день переслал ее прокурору Эриванского окружного суда, который в свою очередь передал ее в Эриванский губернский комиссариат. Отсюда она была разослана всем уездным комиссарам и начальникам милиции. Текст данной телеграммы вместе с сопроводительными предписаниями сохранился в Центральном государственном архиве Армении (см.: Чобанян С. Документ о розыске Ленина в Октябрьские дни // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 127).

³⁸ Там же. С. 54.

³⁹ Косвенно, но весьма убедительно указанный факт подтверждает судьба П.Н. Малянтовича после свержения Временного правительства. А. Ваксберг приводит в своей биографии Вышинского следующий факт: «По личному предложению Ленина Петроградский Совет принял решение о немедленном освобождении Малянтовича из крепости. В дальнейшем, во избежание возможных недоразумений, нарком юстиции Курский и нарком просвещения Луначарский снабдили его соответствующими мандатами, гарантирующими неприкосновенность личности. Три года спустя Ленин распорядился привлечь Малянтовича к работе в Главполитпросвете, а еще год спустя Дзержинский пригласил его возглавить юридическую часть руководимого им Высшего Совета

об этой ситуации, П.Н. Малянтович рассказывал: «Мы сидели в комиссариате градоначальства и разговаривали на злободневные темы... Заговорили о Ленине. Кто-то выразил предположение, что Ленин находится в Финляндии. Один из наших товарищей, проводивший среди нас последние дни, так как переезжал в Петроград, улыбнулся и сказал: "А вот я сейчас узнаю". Он взял телефонную трубку, позвонил кому-то, кажется сестре В.И. Ленина, и спросил веселым тоном о здоровье В.И. и где он находится. Через минуту он сообщил нам улыбаясь, что Ленин здоров и находится не в Финляндии, а в России»⁴⁰.

* * *

Свержение Временного правительства и захват государственной власти большевиками повлек новое преобразование местного управления. А.Я. Вышинский опять остался без должности. Но когда советское правительство перебралось в Москву, он сумел, пользуясь своими знакомствами среди большевиков, устроиться на место заведующего реквизиторским отделом Московского железнодорожного узла.

Реквииторским этот орган назывался потому, что занимался реквизицией продовольствия, которое крестьяне везли на продажу в Москву. Через некоторое время Вышинский занял пост начальника управления распределения Народного Комиссариата Продовольствия. Понятно, что в условиях голодавшей страны такая чиновничья должность, какой бы маленькой она ни представлялась, была на самом деле очень влиятельной. И Вышинский хорошо это понимал. В 1922 году Андрей Януарьевич опубликовал брошюру «Вопросы распределения и революция», в которой охарактеризовал свою чиновничью работу в области распределения продовольствия самым возвышенным образом: «Пять лет пролетарской революции, ознаменовавшейся величайшим напряжением сил и энергии трудящихся масс Советской Российской Республики, борющейся с бесчисленными препятствиями на пути сначала к завоеванию, а затем

народного хозяйства (ВСНХ). То есть, иначе говоря, приказ об аресте Ленина ни сам Ленин, ни ближайшие сотрудники Ленина никогда не ставили ему в вину» (Ваксберг А.И. Указ соч. С. 159).

⁴⁰ Цит. по: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть? С. 54–55.

— к упрочению своей власти, едва ли более памятливы и замечательны в какой-либо другой области, чем в области продовольственной. Только военная история будет писаться более живыми, сочными и яркими красками; только история боевых подвигов и военных побед молодых красных армий будет читаться и слушаться с большим удивлением перед пролетарским героизмом, с большим благоговением перед ратными страданиями защитников пролетарско-крестьянского отечества. Все остальное, что мы пережили и перестрадали в других областях, бледнеет и тускнеет пред грандиозностью свершенного на продовольственном фронте. И когда мы говорим о продовольственной работе, как о фронте, тут нет ни иносказания, ни преувеличения. Свою продовольственную историю мы так же, как и военную, пишем собственной кровью. Каждая страница этой истории связана с невероятными страданиями — и это одинаково как там, где заготавливалось и собиралось продовольствие, так и там, где оно расходовалось и распределялось»⁴¹.

Работая на большевиков, Вышинский не спешил вступать в их партийные ряды. Однако мысли, которые высказывались им в речах, статьях, брошюрах, являлись большевистскими. Он полностью поддерживал постановления Московского и Петроградского советов, установившие принцип классовости в политике распределения продовольствия. В своем выступлении на Первом Всероссийском совещании распродов, которое проходило с 1 по 4 ноября 1919 года, Вышинский заявил: «Ныне (в деле распределения) не приходится руководствоваться общечеловеческим принципом справедливого уравнения. Справедливое уравнение мы понимаем совсем не так, как это понимает, напр., Германская или Австрийская карточная система. В этот принцип нужно внести новое содержание, которое диктуется сущностью социалистического строительства и сущностью хозяйственно-экономической политики, которая должна здесь проводиться. В данный момент, при тех обстоятельствах, какие переживаем мы сейчас, приходится говорить о том, что не принцип уравнения играет решающую роль, а принцип обеспечения трудящихся, интересы которых оказываются доминирующими. Мы

---

⁴¹ Вышинский А.Я. Вопросы распределения и революция. М., 1922. С. 3.

переходим от принципа уравнительного распределения к принципу *классового распределения*. Он является выражением высшей справедливости, ибо справедливым оказывается накормить того, кто поставлен в худшие условия и кто требует во имя государственного строительства наибольшей заботы о себе со стороны государства»⁴².

О том, какими мотивами руководствовался Вышинский, воздерживаясь в первые годы существования Советского государства от вступления в партию большевиков, можно только гадать. Сам он про этот эпизод в своей жизни никаких признаний не сделал. Но любопытно, что в ряды большевиков Андрей Януарьевич перешел лишь тогда, когда их победа в гражданской войне не могла вызывать каких-либо сомнений у людей, способных адекватно оценивать окружающую обстановку. Следует, правда, заметить, что совпадение этих событий могло быть и случайным. Большевики считали меньшевиков своими врагами и по этой причине Вышинскому нелегко было вступить в большевистскую партию. Есть свидетельства, что помог ему в этом бывший его сокамерник по Бакинской тюрьме член Политбюро РКП (б) И.В. Сталин. Как бы то ни было, в феврале 1920 года Замоскворецкий райком РКП (б) города Москвы принял меньшевика Вышинского в члены большевистской партии.

В 1921 году, продолжая службу в Наркомпроде, А.Я. Вышинский стал профессором правового отделения факультета общественных наук 1-ого Московского университета. В «Обзрении преподавания ФОН 1-го Московского университета на 1922/1923 академический год» он был назван преподавателем курса «истории социализма».

Помимо Московского университета Вышинский читал лекции по этому предмету также в Московском институте народного хозяйства имени Карла Маркса (с 1924 г. — имени Г.В. Плеханова). Некоторое время он исполнял здесь должность декана экономического факультета. О содержании преподававшегося Вышинским курса истории социализма дает представление напечатанный им в 1924 и 1925 годах в двух частях объемом в 288 и 362 страниц краткий курс лекций «Очерки истории коммунизма». Кроме того он опубликовал в 1925 году книжку «История коммунизма» объемом в 174 страниц,

---

⁴² Там же. С. 5.

представлявшую данный курс в сжатом изложении. По жанру это были скорее компиляции, нежели самостоятельные произведения. Любопытно, что автор цитировал в них Зиновьева, Каменева, Бухарина, то есть государственных деятелей, которых впоследствии будет официально обвинять в тяжких государственных преступлениях.

Жизнь А.Я. Вышинского была неразрывно связана с государством, которому он служил. Перемены в государственной политике имели поэтому определяющее значение для его судьбы.

В декабре 1921 года состоялась XI Всероссийская конференция РКП (б), которая приняла резолюцию «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства». В пункте 17 этого документа констатировалось: «Поскольку победа трудящихся обеспечила Советской России хотя бы временный и неустойчивый мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан.

Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы. Граждане и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены. Судебные учреждения Советской Республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»⁴³.

---

⁴³ Одиннадцатая Всероссийская конференция РКП (б). Москва. 19–22 декабря 1921 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1925. М., 1953. С. 593.

Меры по исполнению требований данной резолюции последовали незамедлительно. Постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 года Всероссийская Чрезвычайная Комиссия и ее местные органы были упразднены. Ее функции по борьбе с государственными преступлениями были переданы Народному Комиссариату Внутренних Дел РСФСР, в рамках которого для выполнения этой задачи было образовано Главное Политическое Управление.

Осуществление требования установления «во всех областях жизни строгих начал революционной законности» предполагало создание системы надзора за соблюдением законов, а значит организацию прокуратуры.

28 мая 1922 года постановлением ВЦИК было утверждено «Положение о прокурорском надзоре»⁴⁴, предписавшее «учредить в составе народного Комиссариата Юстиции Государственную Прокуратуру». Декретом ВЦИК от 8 июля 1922 года было предусмотрено введение института прокуратуры вместе с Уголовно-процессуальным кодексом с 1 августа указанного года.

11 ноября 1922 года сессия ВЦИК РСФСР постановила принять с поправками внесенный Советом Народных Комиссаров 31 октября проект Положения о судеустройстве и внести его в действие на всей территории РСФСР с 1 января 1923 года.

Согласно этому законодательному акту, «в целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их объединений», вместо революционных трибуналов создавалась единая система судебных учреждений, включавшая в себя общие суды: «1. Народный Суд в составе постоянного народного судьи. 2. Народный Суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей. 3. Губернский Суд. 4. Верховный Суд РСФСР и его коллегии»⁴⁵, а также суды для рассмотрения специальной категории дел.

---

⁴⁴ См.: Положение о прокурорском надзоре. Постановление 3-й сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. 28 мая 1922 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. М., 1947. С. 217–221.

⁴⁵ Положение о судеустройстве РСФСР. 11 ноября 1922 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 231–232.

Положение о судеустройстве РСФСР предусматривало (в примечании к статье 59) наличие такой должности, как помощник Прокурора Республики (Прокурор Верховного Суда) состоящий при Верховном суде»⁴⁶, а также двух помощников прокурора Верховного суда, состоящих при уголовной и гражданской кассационных коллегиях.

1 февраля 1923 года декретом ВЦИК были внесены изменения в Положение о судеустройстве РСФСР. Единая судебная коллегия Верховного суда была разделена на две судебные коллегии: по уголовным и гражданским делам. Обязанности прокурора при судебной коллегии по гражданским делам должен был исполнять «один из помощников Прокурора Верховного суда при кассационной коллегии по гражданским делам»⁴⁷.

Указанные перемены непосредственным образом сказались на судьбе А.Я. Вышинского. Именно он был назначен на созданный Положением о судеустройстве РСФСР пост прокурора Верховного суда.

С 25 мая по 7 июня 1923 года судебной коллегией Верховного суда по уголовным делам рассматривалось дело о преступлениях, предусмотренных статьями 110, 113, 114, 116, 177, 189 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, а именно: о «присвоении должностными лицами денег или иных ценностей, находящихся в его ведении в силу его должностного положения», о злоупотреблениях властью, повлекших за собой расстройство «хозяйственных аппаратов производства, распределения ил снабжения», «заключение явно невыгодных для государства договоров или сделок», получении взяток, служебном подлоге и др. Перед судом предстала целая группа должностных и частных лиц, использовавших в личных выгодах денежные средства, выделенные «Секции по спасению животноводства», организованной при Центральной Комиссии помощи голодающим, и предназначенные вывоз скота из голодных губерний и заготовку фуража для его прокормления.

---

⁴⁶ Там же. С. 246.

⁴⁷ Об изменении и дополнении Положения о судеустройстве РСФСР. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1 февраля 1923 года // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 259.

Обвинительную речь по этому сложному делу произносил А.Я. Вышинский⁴⁸. Он подробно разобрал фактические обстоятельства преступлений подсудимых, оценил доказательства их виновности, дал социальную и психологическую оценку личностным качествам обвинявшихся, подвел их действия под конкретные статьи Уголовного кодекса и высказал свое мнение о наличии ряда обстоятельств, смягчающих или усиливающих вину подсудимых. Проявив себя квалифицированным обвинителем, Андрей Януарьевич одновременно показал в этой речи глубокое понимание интересов государства, а также умение применить к оценке действий подсудимых классовый подход.

Весной 1923 года Вышинский выступил в Верховном суде и с речью по обвинению в злоупотреблениях руководителей Государственной экспортно-импортной торговой конторы при Наркомате Внешней Торговли. С 12 по 23 мая 1924 года выездная сессия Верховного суда РСФСР рассматривала в Ленинграде дело по обвинению 17 следователей и народных судей и 25 нэпманов в получении и даче взяток. Обвинительная речь прокурора Вышинского на этом процессе оказалась еще более яркой⁴⁹. В ней впервые отчетливо проявилась способность Вышинского облечь обвинение подсудимых в художественную форму, придать ему эмоциональный характер. Он показал в своем выступлении опасность взяточничества для государственных устоев, заявив: «Взятка сама по себе – гнуснейшее орудие разврата, но она становится чудовищной, когда дается следователю или вообще работнику юстиции. Ведь едва ли можно вообразить что-либо ужаснее судей, прокуроров или следователей, торгующих правосудием. Суд – один из величайших устоев государственного строительства. Разложение судебно-прокурорских работников, разложение суда – величайшая опасность для государства!»⁵⁰.

Завершая обвинительную речь по этому делу, Андрей Януарьевич воскликнул: «Я требую сурового наказания, беспощадного наказания, которое разразилось бы здесь грозой и бурей, которое уничтожило бы

---

⁴⁸ См.: Дело «Гукон» // Вышинский А.Я. Судебные речи. М., 1955. С. 3–45.

⁴⁹ Дело ленинградских судебных работников // Там же. С. 46–97.

⁵⁰ Там же. С. 58.

эту банду преступников, посягнувших на честь судейского звания, запятнавших своими преступлениями великое имя советского судьи. Я требую беспощадного приговора. Пусть этот приговор очистительной грозой пронесется над головами преступников... Я требую расстрела всех главных виновников (*далее следовало перечисление фамилий. — В.Т.*) — всех этих людей, посмевших опозорить звание революционного судебного работника. Я требую сурового наказания для посредников, вымонателей, пауков и скорпионов (*далее следовало перечисление фамилий. — В.Т.*). Я требую расстрела всех, кто давал взятку, кто систематически растлевал и развращал следователей и судей. Я требую сурового наказания для (*далее следовало перечисление фамилий. — В.Т.*). Товарищи судьи, благо революции — высший закон, и да свершится удар этого закона во имя великой, священной революции»⁵¹.

Судьи не смогли проявить милосердие после такой речи прокурора Верховного суда РСФСР: 17 подсудимых из 42-х они приговорили к расстрелу, а оправдали только двоих из них.

3

Прокурорская деятельность, предполагавшая понимание сущности правовых институтов и способность дать юридическую оценку тем или иным фактам или поступкам людей, стимулировала научные занятия А.Я. Вышинского. В советских периодических изданиях стали публиковаться его научные статьи по правовым проблемам. В июле 1923 года журнал «Еженедельник Советской юстиции» опубликовал мнение прокурора Верховного суда РСФСР по вопросу о том, может ли действие лица, давшего взятку кому-то, принятому им за должностное лицо, трактоваться как дача взятки, то есть по статье 114-а УК РСФСР 1922 года? Некоторые правоведы, высказываясь по этому вопросу, приходили к выводу о том, что дача взятки не предполагает соучастия, а представляет собой самостоятельное преступление. Поэтому «неприятие взятки или отсутствие характера взятки для полученного в руках получателя, т.е. двусторонность действия, является совершенно безразличным

---

⁵¹ Там же. С. 95–96.

мометом для конструирования обвинения, как покушения по ст. 114а во всех тех случаях, когда дача взятки, как общественно-опасное действие, “угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью” (ст. 6 УК), совершена лиходателем умышленно (ст. 11 УК). Главным и самостоятельным виновником в этом случае является сам дающий взятку. Случайное отсутствие результата, вследствие допущенной ошибки, обращает в данном случае деяние в покушение, почему обвинение должно быть конструировано по статьям 13 и 114-а УК»⁵².

А.Я. Вышинский, отвечая на это мнение, привел аргументацию, которая выразила свойственный ему стиль юридического мышления, проявившийся и в процитированной выше его речи по делу о взятках. Можно ли, вопрошал он, рассматривать преступление, трактуемое статье 114-а УК⁵³ как самостоятельное преступление, а не соучастие по статье 114? Отвечая на этот вопрос, Андрей Януарьевич утверждал:

---

⁵² Р – ц В. К применению ст. 114-а У. К. // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 29. 26 июля. С. 653.

⁵³ Статья 114 УК РСФСР 1922 года, измененная Декретом ВЦИК и СНК 9 октября 1922 года, гласила: «Получение лицом, состоящим на государственной, союзной или общественной службе лично или через посредников, в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица, карается лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией имущества или без таковой. Получение взятки, совершенное при отягчающих обстоятельствах, как то: а) ответственном положении должностного лица, принявшего взятку, б) если в результате взятки был нанесен государству или мог быть нанесен материальный ущерб, в) при наличии прежней судимости за взятку или неоднократности получения взятки и г) если при этом со стороны принявшего взятку было допущено вымогательство, — таковое карается лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет и в особо отягчающих обстоятельствах — высшей мерой наказания с конфискацией имущества».

В статье 114-а говорилось: «Дача взятки, посредничество во взяточничестве, оказание какого-либо содействия или непринятие мер противодействия взяточничеству караются наказаниями, предусмотренными 1-ю частью предыдущей статьи, и при особо отягчающих обстоятельствах — наказаниями, предусмотренными 2-й частью той же статьи» (Декрет ВЦИК и СНК «Об изменении текста ст. 114 Уголовного Кодекса». 9 октября 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922. № 63. Ст. 808. С. 1405).

«Такая точка зрения непримлема, как непримлема и подобная терминология. Самостоятельное преступление есть всякое преступление, заключающееся непосредственно в действиях преступника, как в таковых. Таковы все преступления имущественные, преступления против жизни, свободы, здоровья, должностные, политические. “Несамостоятельных” преступлений нет и быть не может. Если данное действие *само по себе* не преступно (напр., уничтожение собственного портсигара), то оно не становится преступлением и тогда, когда способом к его уничтожению я изберу поджог... Есть ряд преступлений, самый состав которых носит строго индивидуальный характер. Таких большинство: имущественные преступления, против личности, ряд политических и т.п. Но есть преступления, самый состав которых тесно связан... с обоюдностью преступных действий, с действиями других лиц, без каковых лиц или их действий нет самого преступления»⁵⁴. Быть виновным в *даче* взятки, подчеркивал Вышинский, «можно лишь при наличии лица, виновного в *получении* взятки». Он не связывал в данном случае ответственность лица, дающего взятку, с ответственностью лица, получающего ее, понимая, что кто-то из них может быть признан невменяемым и освобожден от наказания, а другой будет все равно нести ответственность. Прокурор Верховного суда имел в виду более сложную ситуацию — когда принявший взятку оказался самозванцем, а не должностным лицом, хотя давший ему взятку принимал его за такового. Обращаясь к такому случаю, Вышинский задавался вполне логичным вопросом: как в этом случае должно было отвечать и должно ли было вообще нести ответственность лицо, давшее взятку? Можно ли было возложить на него ответственность как за покушение?

При ответе на данный вопрос, Андрей Януарьевич обращал внимание на то, что статья 114-а, как и статья 114 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года имеют в виду не *всякое* получение вознаграждения кем бы то ни было и за какие бы то ни было услуги, а именно получение взятки в любом виде и именно лицом, состоящим на государственной, союзной или общественной службе. «Представим

---

⁵⁴ Вышинский А.Я. Еще раз о ст. 114-а У. К. // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 29. 26 июля. С. 654.

себе, — пояснял он свою мысль, — что конторщик частной конторы получает от клиента подарок за оказываемые последнему услуги, входящие в круг его прямых обязанностей. Можно ли этого конторщика трактовать как взяточника по 114 ст. УК, а клиента — как взяточника по 114-а ст. УК? Очевидно, нельзя. Конторщик губсуда или губисполкома, однако, за такие действия будет отвечать, как и его одаритель, по 114 и 114-а ст. ст. УК. В чем же дело? Все дело в том, что статьями 114 и 114-а УК государство защищается от угрожающих его государственному интересу злоупотреблений и борется с ними. Государство борется, однако, не со злой волей, как таковой, а лишь с ее конкретным, направленным против государственного интереса проявлением. Государство и закон при этом не могут не считаться с реальностью или фиктивностью проистекающего из злой воли результата. Околпаченный мошенником обыватель дал этому Хлестакову какую-то сумму денег. Дал ли он ему взятку? Нет, он дал ему сумму денег, но не взятку, ибо взятка есть дар, получаемый должностным лицом за действия по должности, а Хлестаков должностным лицом в действительности не был и взятки, след., получить не мог. Хлестаков был Хлестаковым, отвечающим по 187 ст., по никогда не по 114 ст. УК. Но, может быть, жертва Хлестакова, принеся ему дар, ответственна за покушение на дачу взятки? И этого нет. Можно ли отвечать за поджог несуществующего имущества, за подделку акций несуществующего акционерного общества, как за покушение? Конечно, нельзя, ибо покушение требует *физического* существования того интереса, на нарушение которого совершается покушение. Этот интерес, отвлеченно рассуждая, конечно, существует независимо от проделок мошенников, обирающих простаков или бесчестных людей, но этими проделками тот интерес государства, который защищается соответствующими статьями (ст. 114 и др.), ни в малой степени не нарушается»⁵⁵.

Приведенное рассуждение показывает, что А.Я. Вышинский отличался редким умением увидеть в самых запутанных юридических хитросплетениях интерес государства. *Что бы ни говорили о нем, как бы*

---

⁵⁵ Там же. С. 654–655.

ни оценивали его личность, нельзя не признать, что и умом, и характером своим он как будто специально был рожден для государственной службы.

Вышинский часто произносил в своих речах слово «революция», как бы стремясь убедить окружающих его людей в том, что является настоящим революционером. Но ни характером, ни внешним обликом своим он не производил впечатления революционера. А.М. Орлов (Лейб Лазаревич Фельдбин), работавший в Верховном суде в должности помощника прокурора при уголовной кассационной коллегии⁵⁶ в то время, когда там служил Андрей Януарьевич, писал впоследствии в своей книге воспоминаний «Тайные преступления Сталина»: «В 1923 году Вышинский появился в Верховном суде в качестве прокурора юридической коллегии. В нашей бесхитростной атмосфере, среди простых и скромных людей он чувствовал себя не в своей тарелке. Он был щеголеват, умел "подать себя", был мастером любезных расшаркиваний, напоминая манерами царского офицера. На революционера он никак не был похож».

Членами Верховного суда состояли почти исключительно большевики из старой гвардии. Одним из них был, например А.А. Сольц, которого считали «совестью партии», другим — Николай Крыленко⁵⁷. «Старые партийцы из Верховного суда, безусловно, не были мелочными людьми, — отмечал А.М. Орлов. — Они легко примирились с тем, что Вышинский был когда-то меньшевиком, и готовы были даже смотреть сквозь пальцы на его враждебную нам активность в решающие дни Октября. Невозможно было простить ему другое: после того как революция победила, он все три года, пока шла гражданская война, всё ещё выжидал и, только убедившись, что советская власть действительно выживет, подал заявление в большевистскую партию».

В конце 1923 года была устроена очередная проверка чистоты рядов РКП (б) — «чистка», в просторечии. Каждый партиец сдавал в райкомовскую комиссию партийного контроля свою автобиографию

---

⁵⁶ Сам А.М. Орлов, не отличая, видимо, кассацию от апелляции, написал в своих воспоминаниях, что занимал «должность помощника прокурора апелляционной (?) коллегии Верховного суда».

⁵⁷ С 28 ноября 1923 года до 2 февраля 1924 года Н.В. Крыленко занимал пост Председателя Верховного суда.

и поручительства двух членов партии. Сдал эти бумаги и Вышинский, указав в автобиографии, что при царском режиме отсидел год в тюрьме за участие в забастовке. Для старых большевиков, работавших в Верховном суде, «чистка» была простой формальностью, но для бывшего меньшевика А.Я. Вышинского она оказалась тяжким испытанием. Райкомовская партийная комиссия после трехчасового проверочного разговора с ним приняла решение об исключении его из партии большевиков. Однако Андрей Януарьевич не сдался. На следующий день он заявился в кабинет к А.А. Сольцу и разрыдался там, как женщина. Сольц с перепугу обещал ему помочь. И действительно — «совесть партии» поставил вопрос об оставлении Вышинского в партийных рядах на обсуждение в Центральном комитете РКП (б), и в конце концов Вышинскому возвратили партбилет. Когда старые большевики, узнав об этом, стали упрекать Сольца за то, что он заступился за Вышинского, Арон Александрович с виноватой улыбкой ответил: «Чего вы от него хотите? Товарищ работает, старается... Дайте ему показать себя. Большевиками не рождаются, большевиками становятся. Не оправдает доверия — мы всегда сможем его исключить».

А.А. Сольц попытается это сделать, когда Вышинский начнет выступать с обвинительными речами против старых большевиков, но ничего у него получится. Сторонники Сталина объявят «совесть партии» сумасшедшим и постараются его изолировать, как умалишенного, от общества.

Ощущая неприязнь к себе со стороны членов Верховного суда — старых большевиков, Вышинский искал для себя, по всей видимости, другое пристанище и нашел его... в Московском университете. 15 мая 1925 года Андрей Януарьевич был избран Ученым советом 1-го Московского университета, по рекомендации вышестоящих органов, на должность ректора⁵⁸. Вместе с ним был избран и новый состав университетского Правления. На заседании Совета университета, состоявшемся 24 июня 1925 года, новый ректор поручил членам Правления до 1 октября текущего года внимательно изучить

---

⁵⁸ Центральный государственный архив города Москвы (далее: ЦГА Москвы). Фонд Р-1609. Оп. 1. Ед. хр. 902. Л. 24.

постановку дела во всех университетских частях: учебной, финансовой, хозяйственной, административно-технической.

Трудно сказать, какими мотивами руководствовались те, кто рекомендовал прокурора Верховного суда РСФСР на такой пост, но смысл в этом назначении явно имелся. И совсем не мелкий.

К середине 20-х годов руководству ВКП (б) стало очевидным, что в развитии советского общества наступил новый этап, требующий укрепления государства, превращения его в силу, способную не только защищать страну от агрессоров и преодолевать возникающие внутри нее по разным причинам стихийные разрушительные процессы, но и развивать общество, создавать промышленность, обеспечивать рост сельского хозяйства, проводить необходимые реформы. Все это требовало в свою очередь создания прочного, устойчивого правопорядка. О том, что большевистские руководители хорошо понимали связь сильного государства с режимом соблюдения законов, показывает резолюция о революционной законности, принятая XIV конференцией ВКП (б), которая проходила с 27 по 29 апреля 1925 года. В ней было заявлено: «Признавая, что интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой партии требуют максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти, конференция постановляет:

а) одобрить инициативу ЦКК по постановке этой задачи, как одной из основных задач, стоящих в настоящий момент перед Советской властью;

б) поручить ЦК и ЦКК разработать на основе указаний Ленина, высказанных им в опубликованном 23 апреля с.г. письме и доклада Сольца все необходимые организационные мероприятия для укрепления революционной законности с проведением этих мероприятий в советском порядке»⁵⁹.

23 апреля 1925 года в газете «Правда» и 3 мая того же года в «Еженедельнике советской юстиции» было опубликовано

---

⁵⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. Ч. 2. 1925–1953. М., 1953. С. 42.

посвященное вопросу законности письмо В.И. Ленина, продиктованное по телефону товарищу Сталину для Политбюро 20 мая 1922 года. Владимир Ильич выступил в нем против «двойного» подчинения прокуратуры, то есть подчинения ее, с одной стороны, центральной власти в лице соответствующего Наркомата, а с другой — местному губисполкому, за которое высказалось большинство комиссии ВЦИК. «Нет сомнения, — утверждал Ленин, — что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим, противником установления законности и культурности»⁶⁰. Вождь ВКП (б) настойчиво предлагал отвергнуть «двойное подчинение» прокуратуры и установить подчинение местной прокурорской власти только центру. «Законность должна быть одна, — убеждал он своих партийцев, — и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской. Надо помнить, что в отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуется. Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»⁶¹. Опираясь на этот аргумент, Ленин предложил ЦК РКП (б) отвергнуть в данном случае «двойное» подчинение, «установить подчинение местной прокурорской власти только *центру* и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда»⁶².

---

⁶⁰ Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности // Еженедельник советской юстиции 1925. № 17. 3 мая. С. 450.

⁶¹ Там же. С. 449.

⁶² Там же. С. 201.

Предписанное резолюцией XIV конференцией ВКП (б) осуществление необходимых организационных мероприятий «для укрепления революционной законности» требовало большого количества квалифицированных юристов, но факультеты общественных наук (ФОНы), в рамках которых преподавались юридические науки, не могли обеспечить их обучение. ФОНы ведь создавались прежде всего для идеологического перевоспитания студенчества в духе приверженности к идеям большевиков, поэтому специальной подготовке к юридической профессии даже на их правовом отделении уделялось второстепенное внимание. Это положение необходимо было теперь изменить. Московскому университету предстояло, следовательно, пережить еще одну реформу и причем реформу именно юридического образования. Профессиональный юрист представлялся в этой ситуации наиболее подходящей кандидатурой на пост ректора. Тем более такой, который занимался юридической практикой, а значит — хорошо знал, какие специалисты требуются в юридических органах, и вместе с тем преподавал юридические науки в рамках ФОНа Московского университета. Ко времени назначения на должность ректора 1-го Московского университета Андрей Януарьевич был здесь преподавателем уголовного процесса, причем лекции по этому предмету он читал не так, как читали старорежимные профессора, а в духе марксизма-ленинизма.

Начало преобразованию ФОНа 1-го Московского университета в полноценный юридический факультет было положено Декретом СНК РСФСР «Об изменениях сети высших учебных заведений», принятым 8 августа 1924 года. Им было предписано: «Из факультета общественных наук 1-го Московского Университета сохранить в составе названного Университета правовое отделение», а «отделение общественно-педагогическое, а также отделение литературы и языков факультета общественных наук 1-го Московского Государственного Университета влить в педагогический факультет 2-го Московского Государственного Университета»⁶³.

---

⁶³ Декрет СНК РСФСР «Об изменениях сети высших учебных заведений». 8 августа 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и

Любопытно, что в Ленинградском, Ростовском и Саратовском университетах правовое отделение факультета общественных наук предписывалось вообще закрыть. Прием на них прекращался уже в 1924 году⁶⁴.

28 апреля 1925 года Совет Народных Комиссаров РСФСР постановил:

«1. Преобразовать с 1925–1926 учебного года факультет общественных наук Первого Московского Государственного Университета в два факультета: советского права и этнологический.

2. Предложить Народному Комиссариату Просвещения установить структуру этих факультетов и закончить все подготовительные работы по преобразованию к 1-му июня 1925 года»⁶⁵.

Указанные факультеты были созданы в мае 1925 года. Позднее сформировалась их внутренняя структура. Этнологический факультет стал по характеру обучения факультетом историко-филологическим. В его рамках были образованы следующие отделения: 1) этнографическое, 2) литературное, 3) изобразительных искусств, 4) историко-археологическое.

Структура факультета советского права включила в себя также четыре отделения: 1) *судебное* – для подготовки судей, прокуроров, следователей; 2) *хозяйственно-правовое* – для подготовки юрисконсультов хозяйственных наркоматов и учреждений, членов коллегии защитников, нотариусов; 3) *советского строительства* – для подготовки работников центральных и местных учреждений НКВД, РКИ, ГПУ; 4) *международное* – для подготовки работников НКВД, иностранных отделов Наркомата торговли.

крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1924. № 68. Ст. 680.

⁶⁴ Постановлением СНК РСФСР, изданным 23 апреля 1926 года, в Ленинградском университете на базе бывшего правового отделения ФОН был открыт факультет советского права.

⁶⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров «О преобразовании факультета общественных наук Первого Московского Государственного Университета в факультет советского права и этнологический». 28 апреля 1925 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1925. № 28. Ст. 199. С. 358.

До Вышинского пост ректора 1-го Московского университета занимал с 26 мая 1921 года историк социалистической мысли В.П. Волгин (1874–1962). Любопытно, что Вячеслав Петрович тоже был меньшевиком и так же, как Вышинский, не спешил после захвата власти большевиками становиться в их ряды, вступил в РКП (б) только в 1920 году. Уйдя с должности ректора, В.П. Волгин стал деканом этнологического факультета.

Годы ректорства А.Я. Вышинского пришлось на переломное время как в судьбе страны, так и в участи Московского университета. В середине 20-х годов резко обострилась борьба между группировками Троцкого и Сталина. В сущности своей это была война за различные варианты будущего страны, поэтому она мало кого оставляла равнодушной. Втянутыми в нее оказались и студенты, и преподаватели Московского университета.

В июле 1926 года, успешно сдав вступительные экзамены, на факультет советского права Первого Московского университета поступил Варлам Шаламов. Он учился недолго⁶⁶, но тем не менее оставил в своей автобиографической прозе небольшие заметки о Москве середины 20-х годов и о своей учебе на факультете советского права. «Конец 24-го года, — вспоминал он, — буквально кипел, дышал воздухом каких-то великих предчувствий, и все поняли, что нэп никого не смутит и не остановит. Еще раз поднималась та самая волна свободы, которой дышал 17-й год. Каждый считал своим долгом выступить еще раз в публичном сражении за будущее, которое мечталось столетиями в ссылках и на каторге»⁶⁷. «В 1926 году был впервые объявлен прием в вуз по свободному конкурсу. Была, стало быть, возможность проявить себя и получить высшее образование... Я был принят в университет... Москва тогдашних лет просто кипела жизнью. Вели бесконечные споры о будущем земного шара... В Московском университете, сотрясаемом теми же волнами, диспуты

---

⁶⁶ 13 февраля 1928 г. студента факультета советского права Варлама Шаламова исключили из Московского университета на основании доноса одного из его товарищей-студентов, сообщившего, что Шаламов скрыл при поступлении в университет свое поповское происхождение.

⁶⁷ Шаламов В.Т. Воспоминания. М., 2001.С. 112.

были особенно остры. Всякие решения правительства обсуждались тут же, как в Конвенте...»⁶⁸.

Вместе с Варламом Шаламовым на факультете советского права учился Иван Михайлович Павлов. Впоследствии он покинул свою родину и, будучи в эмиграции — видимо, в конце жизни — записал свои воспоминания о тогдашней обстановке в Московском университете, о преподавании на факультете советского права и о ректоре Вышинском. В 1995 году эти воспоминания обнаружил в Гуверовском архиве Стэнфордского университета, в так называемой «Папке Павлова», профессор Д. Керанс.

Впечатления И.М. Павлова об атмосфере, которая существовала в середине 20-х годов XX века в Москве и в Московском университете, были очень сходны с шаламовскими, похожим являлось и отношение этих людей к ректору Вышинскому. Но Иван Павлов, в отличие от Варлама Шаламова, писал не литературные мемуарные заметки, вольные по содержанию, а кратко и методично описывал свою жизнь и обстановку, в которой она текла.

Из этого описания видно, что Московский университет не был островком тишины в бушующем море политической борьбы. Эта борьба властно вторгалась в его аудитории, ограничиваясь, правда, более дискуссиями на партийных собраниях. «Наши настроения были просоветскими, — отмечал И.М. Павлов, вспоминая свое студенчество. — Они являлись результатом не только отрицания прежних порядков, но и убеждения, что советская власть является революционной властью. Властью, которая организовала разгром дворянской и буржуазной реакции. Вырвала страну из мировой бойни, разрешила земельный вопрос, дала рабочим прогрессивное трудовое законодательство, социальное страхование, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, преодолела экономическую разруху в стране, повысила жизненный стандарт трудящихся, заработная плата которых уже перешагнула дореволюционный уровень, дала стране новые кодексы, свидетельствующие о стремлении к правопорядку и революционной законности. Все эти революционные преобразования и еще более

---

⁶⁸ Там же. С. 6-7.

грандиозные планы привлекали наши симпатии и доверие к советской власти, и поэтому так велик был процент коммунистов и комсомольцев среди нас... Антисоветские настроения были широко разлиты и упорно держались только среди студентов старших курсов физико-математического факультета и среди некоторой части педагогического персонала».

И эта университетская среда, сообщал И.М. Павлов в своих воспоминаниях, якобы буквально ненавидела ректора Вышинского. По словам бывшего студента факультета советского права, Вышинский «совсем не пользовался уважением, ни среди профессуры ни среди студенчества», он «обычно улыбался, но сквозь холодную, мертвую и фальшивую его улыбку проглядывало нечто хищное, наглое и трусливо порочное. И лекции его по уголовному процессу, несмотря на внешнюю логичность, гладкость и даже цветистость отдельных фраз, звучали фальшиво, не искренне, скользили поверху, не производя впечатления на слушателя и быстро утомляя его»⁶⁹.

Уход Вышинского с поста ректора 1-го Московского университета И.М. Павлов связал с одним весьма интересным эпизодом, произошедшим в конце октября 1927 года, когда в большой Коммунистической аудитории было созвано последнее дискуссионное собрание. Данный эпизод интересен тем, что хорошо показывает, в какой реально атмосфере пришлось ректорствовать Андрею Януарьевичу.

Официальным докладчиком ЦК ВКП (б) на упомянутом партийном собрании выступил Е.М. Ярославский, а его оппонентом стал член ЦК, находившийся в оппозиции к сталинской группе, Х.Г. Раковский. По воспоминаниям Павлова, «собрание началось бурно, докладчика все время прерывали гневными и оскорбительными репликами: “Могильщик революции!” “Цербер!” “Предатель!” и т.д. Шум в зале все нарастал, и уже через 15–20 минут слова докладчика захлестнул хаос. Все попытки президиума водворить порядок были бесплодны, и Ярославский вынужден был сесть. Выступивший затем Раковский был встречен бешеными аплодисментами оппозиционеров

---

⁶⁹ Павлов И.М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001. С. 55–56.

и беспорядочными криками сталинцев. Громовым басом он заглушил выкрики и с большим подъемом говорил около получаса. Речь его произвела сильное впечатление. С криками “Ура!” все как один поднялись со своих мест оппозиционеры.

– Да здравствует ленинская гвардия! Да здравствуют нестигаемые революционеры! Ура! Ура! Ура! – гремело в аудитории и в коридорах. Овация длилась несколько минут. Затем, сняв со сцены Раковского, оппозиционеры, распевая Интернационал, понесли его на руках на Моховую к стоявшей автомашине. В коридоре и во дворе к процессии присоединились комсомольцы и беспартийные студенты. С небывалым подъемом, точно в экстазе, пели волнующий гимн Интернационалу.

Когда процессия, проходя коридором, спускалась по лестнице, ректор университета А.Я. Вышинский выскочил в коридор и глубоко засунув пальцы в рот стал пронзительно свистать. Стоявшие рядом студенты избили его. Били сначала по лицу, а когда он свалился, били ногами куда попало. Потеряв пенсне, с разбитым носом, растрепанный, грязный и жалкий, выбирался он на четвереньках из толпы, поощряемый пинками ног.

В последующие затем дни, при его появлении в университете всюду слышались крики студентов:

– Свистун, хулиган, рыжий лакей и т.д. Возмущение студентов было так велико, что Вышинский стал прятаться, боясь показываться публично. Даже райком партии не мог пройти мимо хулиганского поступка Вышинского и вынес ему выговор “за недостойное ректора университета и большевика поведение”. Об этом взыскании было сообщено университетской парторганизации. И без того не пользовавшийся доверием и популярностью среди студентов, Вышинский был раздавлен. Так, вероятно, думал и сам Вышинский. Случайно, через Маленкова, об этом инциденте узнал Сталин. Ознакомившись с досье Вышинского, Сталин иначе оценил “подвиг” и “таланты” его. Несколько дней спустя Вышинский был назначен зав. Главпрофобротом и замнаркома просвещения. Это было началом его большой карьеры»⁷⁰.

---

⁷⁰ Павлов И.М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. С. 87–88.

Рассказ бывшего студента факультета советского права И.М. Павлова о том, как в Московском университете обошлись однажды с занимавшим там пост ректора будущим прокурором СССР подтверждается одной заметкой писателя Шаламова, сделанной им на манускрипте антиромана под названием «Вишера», в котором Варлам Тихонович удивительно душевно и мудро описал свои тюремные университеты⁷¹. «Я был свидетелем, — сообщил он в этой заметке, — как на открытом партийном собрании в Коммунистической аудитории в новом здании МГУ ударили по физиономии ректора университета Андрея Януарьевича Вышинского. Вышинский перебивал речи оратора из оппозиции, свистел, вставляя пальцы в рот»⁷².

Возможно, такой казус действительно произошел с ректором Вышинским. Но вряд ли его можно считать причиной ухода Андрея Януарьевича с ректорского поста. Данный случай, если действительно произошел, то в октябре 1927 года, а с должности ректора 1-го Московского университета А.Я. Вышинский ушел лишь год спустя, а именно: 1 сентября 1928 года. И уж совсем нельзя считать октябрьский конфликт Вышинского со студентами или преподавателями свидетельством того, что он плохо исполнял свои обязанности руководителя университета. Помимо приведенных воспоминаний, сохранились и другие свидетельства бывших студентов факультета советского права. И в них приводятся факты, показывающие, что Андрей Януарьевич многое сделал для подъема университетского юридического образования на новый уровень, для придания ему такого характера, который позволял вести ускоренную и весьма эффективную подготовку квалифицированных юристов.

4

Ректорская и преподавательская деятельность А.Я. Вышинского осталась в тени его прокурорской службы и не привлекла к себе

---

⁷¹ Данное автобиографическое произведение не было завершено, но та часть, которую он сам переписал набело, опубликована в шеститомном собрании его сочинений. См.: Шаламов В.Т. Собрание сочинений в 6 томах. Том 4: Автобиографическая проза. М., 2005. С. 14–294.

⁷² Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд 2596. Оп. 2. Д. 65. Л. 30

должного внимания писавших о нем историков и публицистов. Между тем она раскрывает в личности этого человека немало таких свойств, которые совершенно не соответствуют сложившимся о нем представлениям и мнениям. Хотя Андрей Януарьевич пробыл на посту ректора 1-го Московского университета всего три года и три с половиной месяца, этот эпизод в его судьбе не был случайным и ничего не значащим. Науку, преподавание и руководство учебным заведением он воспринимал как настоящее свое призвание.

Михаил Сергеевич Смиртюков, работавший в аппарате Совета Народных Комиссаров почти полвека — с октября 1930 до июля 1989 года, а с 1964 года занимавший в этом органе должность управляющего его делами, получил юридическое образование на факультете советского права в 1-й Московском университете, поступив туда в 1927 году. О своей учебе во времена ректорства Вышинского он вспоминал: «Занятия в университете вели крупные специалисты-практики, работающие в государственных учреждениях. Времени на консультации и прием зачетов и экзаменов у них вечно не хватало, и они просто говорили нам: "Пожалуйста, как только будете готовы, приходите ко мне в наркомат, там и поговорим". Финансовое право, например, у нас преподавал Григорий Яковлевич Сокольников — старый большевик и бывший нарком финансов РСФСР и СССР. В то время, когда мы учились у него, он был председателем Нефтесиндиката. А после того как он уехал за границу (его назначили полпредом СССР в Англии), лекции по финансовому праву вместо него стал читать нарком финансов Николай Павлович Брюханов, а когда он тоже ушел из Наркомфина — следующий нарком Григорий Федорович Гринько. Ему же я сдавал итоговый экзамен по этому предмету в 1930 г. Экзаменовал он меня прямо в кабинете. Спрашивал меня и одновременно вел прием сотрудников с разнообразными бумагами. Экономiku промышленности у нас вели консультанты Совнаркома СССР. И сдавать им экзамены мы ходили в Кремль. А лекции по общим юридическим дисциплинам на младших курсах читал Андрей Януарьевич Вышинский, который был ректором университета. Естественно, тогда и подумать никто не мог, что этот умнейший преподаватель и блестящий лектор превратится в грозного прокурора Союза ССР. Правда, не все лекции были одинаково

интересными. Но к лучшим преподавателям студенты валили валом. В Коммунистической аудитории, если мне не изменяет память, было шестьсот мест. Но народ набивался так, что в ней яблоку негде было упасть»⁷³.

О том, что Вышинский был прекрасным лектором, писали в своих воспоминаниях и другие его слушатели. Тексты многих его лекций, докладов, выступлений были опубликованы. И если по ним трудно составить впечатление о нем как лекторе (устная речь сильно отличается от письменной, особенно в том, случае, когда лектор импровизирует), то о содержании его размышлений по правовым проблемам эти публикации дают вполне ясное представление. Лекционный курс по уголовному процессу, который ректор 1-го Московского университета читал студентам факультета советского права, был напечатан в 1927 году «Юридическим издательством Наркомюста» и официально допущен научно-политической секцией государственного ученого совета к использованию в качестве учебного пособия. Его содержание полностью развенчивает мнение о том, что на пост ректора старейшего и первейшего в России университета был назначен не крупный ученый, а простой чиновник. Автором такого курса мог быть лишь человек незаурядных знаний и способностей – не только эрудированный ученый-правовед, знаток российского дореволюционного и послереволюционного законодательства, досконально изучивший труды отечественных правоведов и обладающий обширными историко-правовыми знаниями, но и юрист, способный разобраться в самых сложных юридических проблемах.

При изложении общих, теоретических вопросов уголовного процесса Вышинский старался следовать марксистско-ленинской идеологии и проводил мысль о классовой природе уголовно-процессуального права, оговариваясь, что в этой отрасли

---

⁷³ Смиртюков М.С. «Я по молодости считал, что так оно и должно быть» // Коммерсантъ- Власть. 2011. № 33. 22 августа. С. 6.

законодательства она обнаруживается труднее. При этом он опирался в своих рассуждениях не только на высказывания о сущности права К. Маркса и Ф. Энгельса, но и на конкретные факты, статьи правовых памятников Древности и Средневековья, нормы уголовно-процессуальных кодексов буржуазных государств. Вместе с тем Андрей Януарьевич, хотя и не прямо, но косвенно, высказывал мысль о высоком значении уголовного процесса и для общества в целом, о его роли в поддержании правопорядка и в устранении личного произвола, соглашаясь с теми определениями уголовного судопроизводства, которые давались в дореволюционной русской юридической литературе – в трудах ведущих русских правоведов: И.Я. Фойницкого, В.К. Случевского, Д.Г. Тальберга, Н.Н. Розина и др.

«Обычное определение уголовного процесса, – отмечал Вышинский в своем лекционном курсе, – сводится к указанию, что процесс – это определенный порядок применения уголовных законов, путь, через который применяется уголовное законодательство страны, средство осуществления карательной деятельности государства, взаимоотношение прав и обязанностей определенных субъектов (сторон и суда), имеющего своей задачей разрешение правового спора, средство обеспечить материальному закону его полное выявление. Каждое из этих определений формально правильно. Ибо, действительно, процессуальные нормы имеют своим назначением обеспечить наиболее правильное и отвечающее интересам государства применение законов материального характера. **Уголовно-процессуальная задача – внести в дело применения материальных законов известный порядок, известную систему, устранить произвол, личное усмотрение, своеволие. В этом отношении уголовный процесс можно уподобить учреждению конституционного порядка»**⁷⁴ (выделено мною. – В.Т.).

Лекционный курс А.Я. Вышинского был рассчитан на студентов факультета советского права, имевших весьма слабую подготовку. Тем не менее уголовно-правовые принципы и нормы трактовались им совсем не упрощенно. Он показал в этом учебном пособии свою

---

⁷⁴ Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 12.

способность излагать простым, понятным и для необразованного человека языком сложнейшие правовые проблемы. Так, обращаясь к принципу несменяемости судей, Андрей Януарьевич подчеркивал его универсальное значение, приводя высказывание дореволюционного русского правоведа Дмитрия Германовича Тальберга о том, что «принцип несменяемости судей имеет мировое значение в том смысле, что он признан законодательствами всего цивилизованного мира, независимо от формы правления, существующей в той или другой стране»⁷⁵. Правда, при этом Вышинский отмечал, что «едва ли можно назвать какой-либо другой институт, характер которого представлял бы столько неясностей и внутренних противоречий. Начать хотя бы с того, что самое понятие несменяемости и, в этом смысле, самостоятельности совершенно различно в различные исторические эпохи и в различных исторических условиях»⁷⁶.

Д.Г. Тальберг показал в своем пособии к лекциям, как принцип несменяемости судей развивался, начиная с XV века, во Франции, Германии, Англии, отметил, что и в других странах (в Швеции, Нидерландах, Бразилии, Португалии, Бельгии, Испании, Турции) «несменяемость судей составляет органический закон государственного строя»⁷⁷, и после этого описал закрепившие этот принцип положения судебных уставов Российской империи. Вышинский же, приведя в своем лекционном курсе исторические факты, показывающие установление и развитие института несменяемости судей в законодательстве Франции, Англии, России, главное внимание уделил раскрытию подлинного смысла данного института. «В самом деле, что такое эта пресловутая несменяемость?» – удивленно спрашивал он и тут же отвечал, причем, предельно откровенно и прагматично: «Это право судьи занимать судейскую должность в течение всей своей жизни или установленного законом срока без угрозы лишения этой должности иначе, как по суду или по собственному желанию. Но такое право – это одна абстракция! Ведь совершенно невероятно такое представление о государственной

---

⁷⁵ См.: Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Том 1. Киев, 1889. С. 146.

⁷⁶ Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. С. 57.

⁷⁷ Тальберг Д.Г. Указ. соч. С. 149.

власти, которое делает ее равнодушной к тому, что представляет собой судебный состав и как он несет свои обязанности в смысле соответствия общей политике государственной власти. Нельзя допустить, что государственная власть будет спокойно взирать на такую деятельность судьи, которая оказывается в решительном противоречии с видами правительства, и что правительство, как бы ни были сильны принципы несменяемости и тому подобных красивых формул, не найдет средств либо заставить такого судью служить целям государства либо уйти в отставку! История института несменяемости целиком подтверждает именно этот взгляд на него. История этого института в таких “демократических” странах, как Англия и Франция, дает немало доказательств того, как государственная власть умеет подчинять себе суд, заставляя его проводить свою правительственную политику, и не позволяя ему создавать своей “судейской политики”. Так называемая несменяемость судей в английской истории 17 и 18 вв. была ничем иным, как средством в руках парламентов преодолевать произвол королевской власти. Под этой *несменяемостью* скрывалось в действительности право парламентов *сменять* неугодных им судей. Во Франции несменяемость судей была попеременно то служанкой короля (“всякая власть от короля” – XIV–XVIII века), то служанкой буржуазии (XIX–XX века).

Нечего и говорить о том, что представляла эта несменяемость в истории русского суда! Можно поэтому утверждать, что несменяемости – в смысле невозможности сменить неугодного судью или судью, не отвечающего требованиям правительства, волею этого правительства – никогда не существовало и существовать не могло. Такая несменяемость – чисто абстрактное понятие»⁷⁸.

Если бы Вышинский остановился на этих утверждениях, его трактовка принципа несменяемости судей все равно заслуживала бы внимания, но он пошел в глубину сущности правосудия и показал настоящий смысл данного принципа. «Если нельзя мыслить суда, независимого от государства, от господствующего в государстве класса, – продолжил он свою мысль, – то нельзя мыслить и суда,

---

⁷⁸ Там же. С. 57–58.

зависимого от всяких иных влияний, кроме организованного влияния своего класса в целом. Если суд не может быть иным, чем это соответствует интересам и целям его класса, и если суд, след[овательно], не может ни стоять вне политики своего класса, ни делать какой-то своей собственной политики, то это отнюдь не должно означать подчинения суда отдельным влияниям разных ведомств, учреждений или даже отдельных лиц. В этом смысле суд должен быть в высшей степени независимым и самостоятельным органом»⁷⁹.

Логикой своих рассуждений и конкретными историческими фактами Вышинский показал, что **независимость суда, которую призван обеспечить принцип несменяемости судей, имеет смысл только в том случае, если ее понимать как качество независимости суда не от государства и общего государственного интереса, а от отдельных частей государства, будь то индивиды, должностные лица или государственные ведомства, административные учреждения, а также свободы от влияния на судебную деятельность каких-либо частных интересов.**

Суд, в понимании Вышинского, – это орган, защищающий общий интерес класса и государства от превалирования над ним частного произвола. В поддержку этой мысли Андрей Януарьевич обращался к высказыванию В.И. Ленина в письме «О “двойном” подчинении и законности»: «Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культуры»⁸⁰.

Еще одной темой, которую Вышинский постарался подробно разъяснить в своих лекциях по уголовному процессу, стала вполне закономерно проблема сущности *судебного доказывания*. К середине 20-х годов он считался в этой теме признанным знатоком среди советских правоведов. Именно ему было поручено написание статьи «Доказательство» в первый том «Энциклопедии государства и права»,

---

⁷⁹ Там же. С. 59.

⁸⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1970. С. 198.

вышедший на рубеже 1925 и 1926 годов под редакцией П.И. Стучки и Коммунистической академии⁸¹.

В изложении этой темы Андрей Януарьевич исходил из того, что процесс судебного доказывания, хотя и есть нечто совершенно отличное от обыкновенного процесса доказывания, представляет собой обыкновенный умственный процесс, применяемый ежедневно каждым человеком. Будучи по профессии юристом-практиком, он тем не менее считал, что «в уголовном процессе, где дело идет об установлении достоверности тех или других жизненных явлений, нельзя игнорировать тех же самых приемов и методов доказывания, какими обычно пользуются в науке», что в уголовном судопроизводстве «получают полное оправдание именно научные приемы доказывания — ибо современный процесс, построенный на научных основах, тем и отличается от старого процесса эпохи средневековья.., что свои выводы он обуславливает данными, проверенными путем строго объективной оценки, лишенной в максимальной степени элементов случайности и произвольности»⁸².

Однако Вышинский не сводил уголовно-судебное доказывание к одному лишь процессу научного доказывания, но принимал во внимание тот факт, что главным критерием оценки доказательств с точки зрения современной правовой культуры выступает внутреннее убеждение судьи. Показывая на конкретных нормах иностранного и дореволюционного российского законодательства, что единственным мерилom силы доказательств в них признаются не свойства этих доказательств, но единственно степень судейского убеждения, вызываемого ими, Андрей Януарьевич старался разъяснить особенности применения этого принципа в судебной практике Советского государства. «Отвергая теорию формальных доказательств и кладя в основание судебного приговора “внутреннее убеждение” судей, — заявлял он, — наш процесс, в отличие от буржуазного процесса, не затуманивает это “внутреннее убеждение” никакими ссылками на совесть и проч., прямо связывая его с “социалистическим правосознанием”, т.е. с задачами социалистического строительства,

---

⁸¹ Вышинский А.Я. Доказательство // Энциклопедия государства и права / Под редакцией П. Стучки. Том 1. М., 1925-1926. С. 985-991.

⁸² Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. С. 99.

которым, по основным принципам наших основ судоустройства, и должен служить советский суд»⁸³. Поясняя смысл статьи 9 УК РСФСР, требовавшей, чтобы «назначение наказания (меры социальной защиты) производилось судебными органами по их социалистическому правосознанию, с соблюдением руководящих начал и статей настоящего Кодекса», Вышинский обращал внимание на то, что категорию социалистического правосознания не следует смешивать с понятием внутреннего убеждения. Если первая – «это общая правовая точка зрения судьи социалиста (коммуниста),.. это – его мировоззрение», то второе – «это частное приложение общего мировоззрения, в связи с оценкой конкретных фактов судебного разбирательства»⁸⁴. По его словам, «решая вопрос о виновности обвиняемого, давая оценку различным обстоятельствам, прошедшим на суде, приходя к определенному выводу относительно меры воздействия на обвиняемого, судья должен прислушиваться к внутреннему голосу своего разума и своего понимания и ни на одну секунду не забывать общих задач социалистического строительства»⁸⁵.

Одной из сложнейших проблем судебного доказывания является вопрос о значении личных показаний подсудимого как судебного доказательства. В литературе о Вышинском распространено мнение о том, что он безоговорочно придавал признанию обвиняемого в совершении преступления первостепенное значение. Придерживавшийся этого мнения Аркадий Ваксберг выразил его даже самым названием своей книги: *«Царица доказательств. Вышинский и его жертвы»*. **Между тем в действительности Вышинский не допускал и не мог допустить столь примитивной юридической оценки собственного признания подсудимого.**

Учение о судебном доказывании ключевая тема в науке и практике уголовного процесса. Эта проблема была главным объектом и его исследований в области юридической науки. Монография А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве» выдержала три издания (1941, 1946 и 1950 гг.), ее второе издание было удостоено Сталинской премии первой степени. Прочитав эту книгу,

---

⁸³ Там же. С. 105.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

нетрудно понять, что столь высокая награда за нее была вполне заслуженной. Но впервые в более или менее развернутом и стройном виде свои суждения по проблеме оценки собственного признания обвиняемого в совершении преступления Вышинский изложил в «Курсе уголовного процесса», написанном в то время, когда он занимал пост ректора 1-го Московского университета.

Андрей Януарьевич смотрел на эту проблему исторически, понимая, что вопрос о значении личного признания обвиняемого решался в истории уголовного процесса по-разному в различные исторические эпохи. «В эпоху господства теории законных (формальных) доказательств, — отмечал он, — личным объяснениям обвиняемого придавалось исключительное, решающее значение — этим объясняется и та невероятная настойчивость, с которой судебные органы добивались сознания подсудимого. Оно считалось “царицей доказательств” (*regina probationum*); лучшим же средством для его получения считалась пытка, физическая или нравственная, безразлично»⁸⁶. Такой подход к собственному признанию обвиняемого Вышинский называл болезнью, указывая, что ею «переболели все страны»⁸⁷. Он считал порочными любые попытки возродить его в современном судопроизводстве в новой форме, с установлением ряда условий. Одну из них, предпринял, например, в конце XIX века профессор Харьковского университета по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства Л.Е. Владимиров (1845–1917). В своей книге «Учение об уголовных доказательствах» он утверждал, что «собственное признание, правильно отобранное, следовательно, добровольное и вполне согласное⁸⁸ с другими, прочно установленными, обстоятельствами дела, есть лучше всего света доказательство, настоящая королева доказательств»⁸⁹. В качестве

---

⁸⁶ Там же. С. 108.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Вышинский, цитируя это высказывание, вместо слова «согласное» написал «согласованное» (там же).

⁸⁹ Приводя это высказывание Л.Е. Владимирова в книге «Теория судебных доказательств в советском праве», Вышинский назвал придание признанию обвиняемого качества королевы или царицы доказательств «в корне ошибочным принципом средневекового процессуального права». См.: *Вышинский А.Я. Теория*

основания для такого суждения Леонид Евстафьевич приводил следующий аргумент: «Нет на свете лучшего свидетеля, чем тот, кто сам совершил преступление. И поэтому в вопросе о собственном признании все старания должны быть направлены к тому, чтобы оно было, в процессуальном отношении, безукоризненно отобрано и правильно использовано»⁹⁰.

Для Вышинского же несостоятельность такого взгляда на сознание обвиняемого была очевидной. Ему было хорошо известно, что «судебная хроника знает немало примеров самооговоров, ложных самообличений, продиктованных страхом, стыдом, отчаянием»⁹¹. Однако, объясняя в курсе лекций по уголовному процессу причины, по которым современная теория отказалась от взгляда на собственное сознание обвиняемого, как на одно из лучших доказательств, он отмечал, что и в действовавшем в дореволюционной России Уставе уголовного судопроизводства, и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 года суду предоставлялось право не производить дальнейшего следствия и переходить к заключительным прениям, если подсудимый давал признательное показание. Устав уголовного судопроизводства, действовавший вплоть до 1917 года, предписывал: «Если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то Суд не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям». Статья 282 УПК РСФСР 1923 года устанавливала: «Если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений».

Прочитав эту статью в своем лекционном курсе, Вышинский обратил внимание на то, что в ней есть большой практический смысл — она несомненно ускоряет и упрощает процесс. Но вместе с тем в ней имеется и «большая опасность — опасность возможных судебных

судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 177. Издание третье, дополненное. М., 1950. С. 260.

⁹⁰ *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. 3-е издание, измененное и законченное. СПб., 1910. С. 298.

⁹¹ *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса. С. 108.

ошибок, особенно частых при ускоренном и упрощенном судопроизводстве»⁹². Поэтому Вышинский предложил применять эту статью лишь при условии, которое в ней не упомянуто, а именно: «лишь тогда, когда у суда не будет никакого сомнения в истинности признания подсудимого». Ниже он повторил эту мысль в более категоричной форме, заявив: «Нам кажется, что, в силу основных принципов уголовного процесса, **собственное признание подсудимого, как и все его вообще объяснения по делу, должны приниматься с чрезвычайной осторожностью и, во всяком случае, не должны служить основанием для построения приговора. Можно утверждать, что наименее правильно построенным процессом является тот, в основании которого лежит собственное признание обвиняемого.** В таком случае, достаточно обвиняемому отказаться под тем или другим предлогом от своих первоначальных показаний, содержащих это признание, и от обвинения не останется и следа»⁹³ (выделено мною. — В.Т.). В сноске к этому утверждению Вышинский указал, что в его практике бывали случаи, «когда предварительное следствие, усыпленное собственным признанием подсудимого, не озаботилось отысканием объективных данных. Время было упущено. На суде же обвиняемый, убедившись в отсутствии против него иных доказательств, кроме своего первоначального признания, от этого последнего отказался, и обвинение рассыпалось, как карточный домик»⁹⁴.

Содержание рассмотренного лекционного курса Вышинского объясняет во многом, почему впоследствии именно ему, а не кому-либо другому, удалось сделать самую стремительную карьеру на прокурорской службе: среди советских правоведов он оказался, пожалуй, самым глубоким знатоком уголовного процесса. Мало кто был способен так разобраться в наиболее сложных хитросплетениях уголовного судопроизводства, как этот странный человек, вызывавший к себе неприязнь как будто всеми чертами своего внешнего облика и характера, в том числе хорошими и добрыми.

---

⁹² Там же. С. 109.

⁹³ Там же. С. 109–110.

⁹⁴ Там же. С. 110. Сноска 1.

Андрей Януарьевич неоднократно признавался, что больше всего его привлекала научная и преподавательская деятельность. Скорей всего, так и было в действительности. В своей государственной деятельности он часто мыслил как преподаватель и руководитель учебного заведения. Пребывая во главе Прокуратуры СССР, он стремился заставить своих подчиненных постоянно что-то изучать и читать книги не только по своей специальности, но и по другим наукам, прежде всего по истории, к которой он имел какое-то необъяснимое душевное влечение.

Вышинский никогда не забывал о годах своей преподавательской и ректорской деятельности в Московском университете. Время от времени он вспоминал об этом этапе своей жизни в многочисленных выступлениях, а выступал он довольно часто на разного рода совещаниях или конференциях.

29 мая 1936 года в заключительной речи на совещании в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями Андрей Януарьевич коснулся вопроса подготовки юридических кадров. «К сожалению, в прошлом, особенно в 1926–1930 годах, — признался он, — кадрами мы занимались плохо. Зато был период, когда думали, что юридическое образование не нужно, что можно обойтись не только без римского права, но и без советского права, которое кое-кто хоронил по первому разряду, протаскивая гнилые теории об отмирании права, об отмирании юстиции, об отмирании суда. Мы распьилили наши кадры: новых не создали, старые потеряли. Теперь мы стали лучше заботиться о наших кадрах... **Ведь известно, что на юридический факультет шли, как правило, лентяи, которые хотели получить диплом, ничего не делая. У нас этого нет и не может быть. Для того, чтобы этого не было, нам нужно понять, что нам нужно бесконечно много знать, что нам нужно усвоить не только свое право, но и чужое право. Но для того, чтобы это свое право усвоить, переработать в своем сознании, нужно прежде всего усвоить чужое право, право, которое создавалось в течение веков**

эксплуататорскими классами. Без овладения этим наследством мы не сможем перестроить своей культуры»⁹⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Последний год ректорства Вышинского ознаменовался его участием в качестве судьи в так называемом «шахтинском деле». Это краткое наименование было дано делу о контрреволюционной организации инженеров и техников, работавших в каменноугольной промышленности СССР, которое расследовалось сотрудниками ОГПУ в шахтинском районе Донбаса с июня 1927-го по апрель 1928 года. Сталин, узнав о нем летом 1927 года, решил придать ему общесоюзное значение, устроив открытый процесс. Оно позволяло оправдать многочисленные аварии на заводах и шахтах, экономические неурядицы, недостатки в государственном управлении экономикой вредительской деятельностью инженеров и техников, заговором буржуазной интеллигенции против советского государства. Арестовано было по этому делу несколько сотен человек, но на открытый судебный процесс, который был запланирован в Москве на май месяц, было решено представить в качестве подсудимых 53 человека.

13 марта 1928 года в газете «Известия ЦИК и ВЦИК» было опубликовано официальное сообщение Прокурора Верховного суда СССР, в котором, в частности, говорилось: «На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, которая имела своей целью дезорганизацию и разрушение угольной промышленности этого района. Руководящий центр этой организации, что подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, имеющих тесные связи с отдельными агентами некоторых немецких промышленных фирм и польской контрразведкой... Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской

---

⁹⁵ Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 83.

деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д...»

Подлинные мотивы этой акции до сих пор неясны, но Сталин придавал ей такое большое значение, что решил поручить ведение данного судебного процесса крупнейшему в СССР специалисту в области теории уголовного судопроизводства А.Я. Вышинскому⁹⁶. Немаловажным преимуществом Андрея Януарьевича являлось в данном случае и то, что он занимал пост ректора авторитетнейшего университета. Ведь надо было провести публичный процесс над представителями интеллигенции. Сталин рассчитывал, и не без оснований, что участие в нем ректора Московского университета придаст судебному приговору больше легитимности. Необходимо было, правда, еще придумать юридическую конструкцию суда, позволявшую Вышинскому быть в процессе председателем, оставаясь ректором. И такую конструкцию придумали, обратившись к судебной практике Российской империи.

Постановлением Президиума ЦИК СССР 3 мая 1928 года было создано, в отступление от статьи 69 Наказа Верховному Суду Союза ССР, *«специальное судебное присутствие Верховного Суда Союза ССР для заслушания Шахтинского дела»* в составе председательствующего и 4-х членов и ректор А.Я. Вышинский был назначен *«запасным членом Верховного Суда Союза ССР для упомянутого дела»*⁹⁷.

9 мая 1928 года газета «Правда» опубликовала следующее официальное сообщение: *«Дело об экономической контрреволюции в Донбассе будет слушаться в специальном присутствии Верховного Суда СССР. Специальное присутствие будет заседать в составе председательствующего А. Я. Вышинского — ректора I МГУ, членов Верхсуда — М.И. Васильева-Южина, В.П. Антонова-Саратовского, донецкого шахтера тов. Курченко, московского рабочего т. Киселева и*

---

⁹⁶ Это поручение было оформлено «строго секретным» Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «О председателе суда и временных заменах «в комиссии по Шахтинскому делу», принятым 30 апреля 1928 г. См.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 2011. С. 309.

⁹⁷ Там же. С. 311.

запасных членов тт. Еремина и Соколова. Государственное обвинение будет поддерживать старший пом[ощник] прокурора республики тов. Н.В. Крыленко и прокурор УКК Верховсуда РСФСР тов. Г.К. Рогинский и общественные обвинители. Защита допущена к ознакомлению с материалами следствия. Предполагается, что дело начнется слушанием 15 мая в Колонном зале Дома Союзов»⁹⁸.

На самом деле слушание дела началось 18 мая, а завершилось 6 июля 1928 года, вынесением 11-ти обвиняемым приговора к высшей мере социальной защиты — расстрелу, оправданием 4-х, и приговорами к лишению свободы от одного года до десяти — остальным подсудимым. Шести подсудимым из приговоренных к расстрелу этот приговор был через день заменен десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на пять лет и конфискацией всего имущества. Оставшийся в силе приговор к расстрелу пяти подсудимым был приведен в исполнение 9 июля 1928 года⁹⁹.

Участие Вышинского в этом процессе, да еще в качестве председателя суда, явно предвещало скорое расставание его с Московским университетом. Так и произошло...

1 сентября 1928 года новым ректором 1-го Московского университета был назначен профессор факультета советского права И.Д. Удальцов. Он пришел в Московский университет в 1921 году, вместе с Волгиным и Вышинским. Последние побывали уже на посту ректора — теперь настала его очередь. Вообще смена ректоров 1-го Московского университета, начиная с 1921 года, была явно не случайной, а подчинялась определенной закономерности. Каждый ректор призывался выполнить какую-то задачу, которая была ему ближе, чем кому-либо другому. Так, например, В.П. Волгин лучше всех мог способствовать распространению среди студенчества большевистского социалистического мировоззрения, и за четыре года своего ректорства он действительно добился заметных успехов в этом деле. К 1925 году большевистские настроения в среде студентов Московского университета стали преобладающими. Но выдвижение

---

⁹⁸ Там же. С. 579.

⁹⁹ Там же. С. 599.

на первый план идеологического воспитания учащихся отрицательно сказалось на их профессиональной подготовке. Поднимать ее на более высокий уровень выпало на долю А.Я. Вышинского. И он сделал все, что мог, для надлежащего выполнения этой задачи, хотя и понимал, что за два-три года невозможно существенно повысить уровень образования.

На долю И.Д. Удальцова выпала, пожалуй, самая печальная задача. В руководстве ВКП (б) и в органах управления народным образованием к концу 20-х годов возобладало мнение о ненужности университетов в Советском государстве. В декабре 1929 года вместо поста ректора была введена должность директора университета, призванного управлять вверенным ему учебным заведением всецело единолично, в отличие от ректора, опиравшегося в этом деле на Ученый Совет. В 1-ом Московском университете директором стал тот же Удальцов, хорошо понявший в какую сторону подул ветер перемен в советском высшем образовании. В январе 1930 году им была опубликована в журнале «Красное студенчество» (№ 16, стр. 12) статья «175-летний старец», посвященная юбилею Московского университета. В адрес юбиляра были сказаны явно не хвалебные слова, в частности заявлялось, что университет как «форма, связанная с русским средневековьем», отжил свой век, тормозит развитие науки, и что его необходимо расчленить «на вполне самостоятельные институты».

В 1930 году факультет советского права был преобразован в факультет советского строительства и права. 23 июля 1930 года вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков, которым было объявлено, что «многофакультетные высшие учебные заведения и техникумы реорганизуются в отраслевые учебные заведения и техникумы».

20 апреля 1931 года Постановлением ВЦИК РСФСР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» было предписано: «Выделить из Московского, Ленинградского, Саратовского, Иркутского и Казанского государственных университетов факультеты советского строительства и права, реорганизовав их в самостоятельные

институты»¹⁰⁰. На основе факультета советского строительства и права Московского университета было создано два самостоятельных учебных заведения: Институт советского права и Институт советского строительства.

Покинув пост ректора 1-го Московского университета, Вышинский остался в системе управления образованием, поскольку его назначили начальником Главного управления профессионального образования. Одновременно он был включен в состав коллегии Наркомата просвещения. Занимая эти должности, Андрей Януарьевич исполнял также обязанности заведующего учебно-методическим сектором и зам. председателя Государственного ученого совета. Однако работой на ниве просвещения и образования его функции не ограничились.

В конце 1930 года А.Я. Вышинскому пришлось снова, не будучи штатным членом Верховного суда, председательствовать на судебном процессе высшей инстанции. На этот раз по делу контрреволюционной организации «Союза инженерных организаций» («Промышленная партия»). Для его рассмотрения опять было создано специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, и снова председателем его был назначен А.Я. Вышинский. Государственным обвинителем и в этот раз выступил Н.В. Крыленко. Процесс начался 25 ноября, а завершился 7 декабря 1930 года. Его стенограмма была опубликована в следующем году. Из нее видно, что Вышинский хорошо выполнил возложенное на него поручение¹⁰¹.

Заслуги бывшего ректора Московского университета в области ведения судебных процессов против «врагов народа» получили высокую оценку со стороны руководства Советского государства. 11 мая 1931 года ему, как бы в награду, была предоставлена должность прокурора РСФСР. Спустя десять дней к ней добавили еще и пост заместителя наркома юстиции РСФСР.

Начался новый этап в жизни Андрея Януарьевича Вышинского — пожалуй, самый сложный и загадочный в его судьбе...

---

¹⁰⁰ СУ РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.

¹⁰¹ См.: Процесс «промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931.